

К-89

Л.И. БРЮХАНОВА

В.И. КУЗНЕЦОВ

разведчик

Николай Кузнецов

12+

B
C
m
p
p
p

9(с)27
К 89

Эта книга о нашем уральце-земляке,
бесстрашном партизанине-разведчике,
Герое Советского Союза
Николае Ивановиче Кузнецове,
умело действовавшем
в годы Великой Отечественной войны
в глубоком тылу
у немецко-фашистских захватчиков
в городах Ровно и Львове.

Литературная запись
журналиста Н. А. ДАНИЛИНА

Четвертое издание

К $\frac{11205-014}{M158(03)-76}$

© Средне-Уральское книжное издательство, 1976

Авторы выражают сердечную благодарность товарищам, которые приняли горячее участие в создании этой книги, предоставив в наше распоряжение свои воспоминания, записки: Н. В. Стругинскому, В. А. Буриму, М. Стефанскому (Польша), В. К. Довгер, П. И. Ершову, Ю. Курьяге (Польша), Н. А. Саргсяну, М. Е. Кутовому, В. В. Кочеткову, А. И. Усовой, А. С. Колотыгину и всем другим, кто помог нам полнее рассказать о жизни и подвигах разведчика Николая Ивановича Кузнецова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В годы Великой Отечественной войны советские люди на фронте и в тылу проявляли массовый героизм. Они, не жалея своей жизни, громили врага, чтобы отстоять честь и свободу Отчизны. Но выдающиеся подвиги отважного разведчика Николая Ивановича Кузнецова — явление исключительное.

В годы войны мне приходилось бывать в разведке, но не на земле, а в воздухе. Я не был среди врагов, я находился над ними, видел их с высоты, на некотором удалении.

Нелегко было выполнять эти задания: в каждом полете по нескольку раз надо было проходить зенитные заслоны и вести бои с истребителями противника.

Однако вряд ли это можно сравнить с трудностями, вставшими перед моим земляком, одно время учившимся в том же Тюменском техникуме, в котором учился я на землеустроителя. Н. И. Кузнецов действовал в стане врага в самых тяжелых условиях. Он постоянно рисковал, подвергал себя опасности быть схваченным. Каждый час, каждую минуту он находился в состоянии самой высокой боевой готовности, сохраняя выдержку и самообладание. Прекрасно зная немецкий язык, он изучил и строго соблюдал нравы и обычаи германских офицеров, носил презренную форму чванливых завоевателей, входил к ним в доверие, усыплял их бдительность, заводил нужные знакомства, смело вел себя среди ненавистных людей, прислушивался к мельчайшим деталям их разговора, быстро и непринужденно отвечал на неожиданные вопросы и многое запоминал. Нередко он вынужден был выступать перед своими соотечественниками в роли ярого врага своей

Родины. Как это трудно! Но такого перевоплощения требовали очень сложные условия его разведывательной работы.

Длительной настойчивой тренировкой Н. И. Кузнецов сумел выработать в себе такие важные качества, как хладнокровие и трезвый расчет, настойчивость в достижении намеченной цели и волю к победе, смелость и постоянную готовность к самопожертвованию при выполнении задания.

Благодаря этим качествам он со своими боевыми друзьями добывал такие разведданные, которые советскому командованию помогали вскрывать коварные замыслы врага.

П. С. ШАРОВ,
Герой
Советского
Союза

Навстречу
подвигу

ТАЙНА «ВЕРВОЛЬФА»

Поезд шел по полям и лесам Украины. Мы ехали в город Ровно на открытие памятника нашему брату Герою Советского Союза Николаю Ивановичу Кузнецову. Трудно передать то волнение, которое охватывает тебя, когда подъезжаешь к местам, связанным с именем дорогого человека... Здесь восемнадцать лет назад Николай Кузнецов в мундире немецкого офицера проник в стан фашистских сатрапов. Здесь не раз он разведывал коварные планы врага, средь бела дня расстреливал гитлеровских палачей, наводил неодолимый ужас на иноземных захватчиков...

Сосед по купе, тучный круглолицый мужчина, с белой, словно посыпанной пеплом головой, спросил:

— Наверное, давно не были в этих краях?.. Ах едете впервые? Этот город теперь далеко известен. Даже маленький школьник скажет вам: «В Ровно действовал партизан-разведчик Николай Кузнецов!» Бесстрашный был человек...

Все сидевшие в купе придвинулись к нашему собеседнику, готовые слушать.

— Вы, конечно, слышали о «Вервольфе» под Винницей,— продолжал он свой рассказ.— В этой берлоге-ставке, названной «Оборотень», в 1942 году должен был обосноваться главный фашистский зверь — Гитлер. Для фюрера построили в земле железобетонный бункер со стенами огромной толщины, а рядом одноэтажный кирпичный дом (ради маскировки снаружи его обложили бревнами). Из дома подземный ход вел в бункер-бомбоубежище.

«Вервольф» окружили мощными дотами, опутали стальной сеткой, колючей проволокой (проволока под током высокого напряжения!), выкрасили в защитный цвет, обсадили многолетними деревьями. «Оборотня» охраняли оцепление специальных отрядов СС, танко-

вый полк, моторизованный полк, конная жандармерия. С воздуха убежище зверя прикрывали самолеты секретного аэродрома. Вокруг Черного леса, где был возведен «Оборотень», гестапо понатыкало на каждом шагу наблюдательные вышки, понаставило батареи, противотанковые орудия. Через каждые сто метров — заставы. Невдалеке от «Вервольфа» на линии железной дороги Винница — Калиновка под парами стоял бронепоезд...

Начальник охраны Раттенгубер в узком кругу своих приближенных похвалялся: «Вервольф» — призрак. К нему и русский комар носа не подточит, и мышь полевая не проскочит!»

Сколько раз подпольщики Винницы и Калиновки ни пытались узнать тайну Черного леса у села Коло-Михайловки, их старания были безуспешны. Все вокруг «Оборотня» было полито свинцом и кровью. Советских военнопленных, строивших «Вервольф», эсэсовцы расстреляли — несколько десятков тысяч! Стоило кому-либо из местных жителей случайно приблизиться к охранной зоне, как об этом сообщала световая и электрическая сигнализация. Задержанных расстреливала особая команда СС.

Казалось эсэсовцам, что они подготовили для Гитлера обетованное местечко. Приезжай, дескать, фюрер, садись в берлогу и командуй своим «блицкригом». К твоим услугам две радиостанции, подземный бронированный кабель, плавательный бассейн... и цветочки на клумбах. Все сделано добротнo, аккуратно..

И все же тайна «Оборотня» была раскрыта. Советская разведка установила адрес ставки Гитлера, — закончил рассказ наш собеседник. — И конечно же, в этом принял участие Николай Кузнецов!..

ДЕТСТВО НИКИ

Он родился и вырос в небольшой уральской деревне Зырянке Талицкого района Свердловской области, в семье крестьянина Ивана Павловича Кузнецова.

Раннее детство Никанора¹ (Ники или Никоши, как ласково называли его) проходило радостно и беззаботно.

Мать наша, Анна Петровна — простая крестьянка, по отзывам односельчан, имела доброе сердце и золотые руки. В отношении к окружающим и детям ее отличала большая чуткость, заботливость. Л. В. Кузнецова, дальняя родственница семьи, вспоминала: «Анна Петровна была очень умной женщиной, энергичной и твердой, умело воспитывала детей и обладала каким-то особым даром сближать и роднить всех, кто ее окружал. В ее семье всегда был удивительный порядок».

Отец наш, Иван Павлович, был энергичным и трудолюбивым. Он многое повидал для своего времени. Отслужив семь лет в царской армии, вернулся из Петербурга домой с наградой. За отличную стрельбу командование вручило ему часы и серебряный рубль, к которому разрешалось припаять «ушко» и носить, как медаль, на груди. В армии отец научился читать и писать.

Будучи сам недостаточно грамотным, он понимал значение образования и тянулся ко всему новому. Иван Павлович первым в Зырянке провел опыты: включил в севооборот кормовые травы, стал держать пчел, участвовал в создании кредитного товарищества и потребительского союза.

Когда впервые начали практиковать зяблевую вспашку, он применил этот метод на обработке земли, купил плуг, что облегчило пахоту и повысило культуру земледелия.

Отец и мать любили и уважали друг друга, жили дружно, все спорилось в их руках. В своем хозяйстве они работали не покладая рук, не считаясь с праздниками, не стыдясь осуждения религиозных соседей. Это же трудолюбие и любовь к порядку они прививали и нам, детям.

Получив в наследство старый домик на две комнаты, корову, борону и самодельный плуг-сабан, родители благодаря своему трудолюбию завели лошадей, купили жатку, расширили дом. Правда, на это потребовалось не одно десятилетие.

¹ Никанор Иванович Кузнецов (род. 27 июля 1911 г.) в 1931 г., работая в г. Кудымкаре, сменил с детства не нравившееся ему имя Никанор на Николай, что и было оформлено постановлением загса г. Кудымкара.

Наши родители очень уважали сельскую интеллигенцию: дорожили дружбой с учителями, фельдшером. Частым гостем в нашей семье был Иван Алексеевич Жуков, муж племянницы Ивана Павловича. Жуков работал на Ертарском стекольном заводе. Позднее, самостоятельно выучившись лесному делу, он перешел на должность лесничего в Шадринский уезд. Общение с Жуковым принесло в нашу семью новые стремления и чаяния. Жуков первым посоветовал отдать старшую сестру Гасю учиться в Камышловскую женскую гимназию, чтобы она могла впоследствии стать сельской учительницей.

В своих душевных разговорах с И. А. Жуковым наш отец неоднократно высказывал заветную мечту дать образование всем детям. Сначала дочери, Агафья и Лидия, пошли учиться, потом Ника и Виктор.

Агафья до революции 1917 года успела закончить 6 классов женской гимназии в Камышлове. С 1920 года она работала учительницей в родной Зырянке, в соседних деревнях, в Уватском районе Тюменской области. Последние годы жила с дочерью в Тобольске. Она умерла в мае 1970 года.

Лидия в 1922 году окончила Балаирскую пятилетнюю школу. Продолжить образование не удалось. До 1928 года она трудилась в хозяйстве семьи. Потом закончила курсы машинописи в Тюмени, работала секретарем в сельсовете, а позже — машинисткой.

Ника рос крепким, здоровым сероглазым мальчишкой. Развивался не по годам быстро, был любознателен. Уже в шестилетнем возрасте он с помощью старших сестер выучился читать и писать.

Нам, родным, на всю жизнь запомнились зимние вечера детских лет. Зимой работ в крестьянском хозяйстве значительно меньше, нежели во время весеннего сева, в сенокос или страдную пору уборки. Поэтому вечерами, когда синие сумерки обволакивали деревенскую улицу и в окна начинала заглядывать луна, дети собирались у печки, в которой потрескивали дрова и полыхало жаркое пламя. Отец рассказывал о похождениях русского богатыря Ильи Муромца, о бесстрашии Евпатия Коловрата и матроса Кошки — все то, что ему было известно из народных преданий, о чем узнал в армии. Ника слушал затаив дыхание. Потом в доме появились книги Гаси. И если раньше дети с восторгом

слушали рассказы отца, то теперь с неменьшим интересом сам Иван Павлович прислушивался к чтению старшей дочери о битве на поле Куликовом, о героических защитниках Севастополя.

Ника отличался хорошей памятью, легко заучивал длинные стихотворения и любил их декламировать в кругу родных и знакомых. Особенно ему нравились героические стихи, воспевающие трудовые дела и ратные подвиги русского народа: «Смерть Сусанина», «Бородино» и другие.

Само время до предела обострило патриотическое чувство старого солдата Ивана Кузнецова — на западе русская армия сражалась с германскими полчищами. В редкие вечерние часы отдыха, когда к нам приходили соседи, отец любил слушать, как его шестилетний сын с гордым вызовом как бы отвечал врагам словами Ивана Сусанина:

Предателя мнили найти вы во мне?
Их нет и не будет на русской земле!

Отец слушал Нику, и глаза его лучились гордостью, счастьем...

Как вспоминал житель соседней деревни Рухловой Георгий Алексеевич Чудинов, в праздничные дни в доме Кузнецовых нередко можно было видеть такие сценки: стоит на стуле маленький Ника и звонким голосом декламирует лермонтовское «Бородино» или «Братьев-разбойников» Пушкина...

Послереволюционные годы на Урале проходили в ожесточенной классовой борьбе. Не успела установиться Советская власть, как во многих районах вспыхнули контрреволюционные выступления кулачества и буржуазии. В середине ноября 1917 года поднял мятеж атаман Дутов, а в мае 1918 года началось контрреволюционное восстание чехословацкого корпуса.

Белогвардейцам и интервентам, несмотря на ожесточенное сопротивление рабочих и беднейшего крестьянства, удалось захватить весь Урал. В Екатеринбурге было создано контрреволюционное «Уральское областное правительтельство», а позднее, в ноябре 1918 года установлена колчаковская диктатура.

Эти грозные события задели даже самые отдаленные деревни Зауралья. Летом 1918 года в соседнем с Зырян-

кой селе Балаир по доносу местных кулаков карательный отряд белоказаков порубил шестерых сельских активистов, боровшихся за установление Советской власти в деревне. Среди погибших был муж нашей тети со стороны матери, Иосиф Васильевич Дерябин.

В тот день Ника вместе с матерью навещал свою овдовевшую тетю. Он видел, как безутешно рыдали убитые горем пострадавшие семьи. Видел, как опускали в братскую могилу тела зарубленных. Среди них был и дядя Иосиф, Никоша помнил его молодого, кряжистого, словно кедр, веселого шутника. И вот дяди Иосифа не стало.

— За что! — звенит над могилой хватаящий за сердце крик. Причитают женщины, ревут осиротевшие детишки, прикищие к своим матерям.

— Изверги! Супостаты! Не будет вам прощенья! — голосит тетя, обращаясь в пространство к невидимым врагам, и бессильно падает на могильный холм.

Слезы жалости и гнева градом катятся по щекам Никоши, сухой комок подкатывает к горлу, становится трудно дышать...

То был первый урок жизни, оставивший в сердце Ники Кузнецова неизгладимый след.

Осенью беспокойного восемнадцатого года Ника начал учиться в Зырянской начальной школе. Мальчик сразу обнаружил способности к учебе и привлек внимание учителей своей опрятностью и необычным прилежанием.

Наша родственница Л. В. Кузнецова вспоминала:

«Приехала я в Зырянку к мужу в 1918 году. Присмотрелась к деревенским ребятишкам. Мне как-то сразу очень понравились дети Ивана Павловича и Анны Петровны. Жили мы тогда через один дом от них, и нельзя было не заметить, как умно ребята вели себя среди взрослых. Ника учился в первом классе. А придет домой после учебы, поест и за работу: то с крыльца сметет, то во дворе уберет, то снег отбросит, коней сгоняет на водопой. В страдную пору сенокоса и уборки урожая Ника работал вместе со взрослыми».

Летом девятнадцатого года тревожные слухи взволновали жителей Камышловского уезда. Их привезли беженцы. Барыньки, купеческие дочки, бросившие в центре России свое «добро», рассказывали об ужасах, которые несут красные, большевики.

Слушали крестьяне, озадаченно хмурились. Некоторые вспоминали пророчества местного священника, обещавшего, что брат пойдет на брата, дети забудут волю родительскую и ринется необузданная орда антихристов полчищами, как во время татаро-монгольского нашествия.

— Все может быть, — зловеще шептал мужикам балаирский фельдшер. — Видели, что делали казаки у нас в селе?.. Так ведь руководят ими люди благородные. А чего же ждать от босяков? Идут, как саранча, все пожирая на своем пути. Грабят, стреляют, насилуют...

Однажды ранним июньским утром на сером коне в деревню Зырянку влетел гонец. Голова его, как чалмой, была перевязана окровавленной тряпкой. Он промчался из конца в конец улицы, стреляя из нагана и крича:

— Люди, спасайтесь! Уходите в Сибирь! Гибнет Россия! Красные комиссары идут с огнем и мечом!..

Ускакал неизвестный, посеяв в деревне тревогу.

Не разобрался в сложной политической обстановке хлебобоб Иван Кузнецов. Верный крестьянской привычке — не раз подумать, все взвесить, а потом отрезать, — он на этот раз изменил своему правилу. Тяжелой оказалась чаша весов, на которую легли белогвардейская пропаганда, предрассудки и отсталость захолустья...

Увидав в потоке беженцев, уходивших на восток, три подводы знакомых крестьян из соседней деревни, наш отец собрал домашний скарб и двинулся в сторону Тюмени.

«Когда две подводы, груженные пожитками, выехали со двора, — вспоминали позже наши соседи, — можно было подумать, что Кузнецовы переезжают на новое местожительство в соседнее село. На второй подводе сидели четверо детей, а в задке телеги покоилась одна из самых дорогих домашних вещей — поблескивающий начищенными боками медный самовар».

Курс «гражданской академии», как любил потом говорить сам Иван Павлович, закончился для него внезапно. Колчаковцы, удирая от наседавших красных частей, открыто начали грабить мирное население. Кузнецовы решили остановиться на небольшой железнодорожной станции. Но пока отец раздумывал, как ему добраться обратно домой, колчаковцы отобрали у него лошадей. Глава семьи пошел искать работу. На станции случай свел его с железнодорожником Неволиным.

Узнав, какие пути привели сюда крестьянина, рабочий-большевик высмеял опрометчивый поступок хлебороба. «Ты подумай,— говорил Неволин,— родня ли твоим мозолистым рукам белые барские ручки? По пути ли тебе с теми, кто век свой сидел на шее трудящихся, а сейчас бежит от гнева народного?»

Не по пути. Это твердо знал теперь крестьянин Кузнецов, насмотревшийся в дороге на бесчинства, которые творили колчаковские банды.

С приходом войск Пятой армии Иван Павлович вступил в ряды красных бойцов, участвовал в боях против колчаковцев, дошел до Красноярска, перенес тяжелый тиф, а в марте 1920 года, как достигший 45-летнего возраста, был демобилизован.

Измученный дорогой и разлукой, Кузнецов вернулся в родную деревню. Вернулся налегке, с котомкой за плечами. Иван Павлович, встретившись с семьей, первым долгом расцеловался с детьми, женой, потом вытащил из солдатского мешка листок бумаги, сложенный вчетверо, и торжественно, с нотками извинения в голосе подал его девятилетнему Никоше:

— Вот, дети, посмотрите, верой-правдой искупил ваш батька вину, темную глупость свою. Это командование выдало.— Отец глубоко переживал свое «отступление».

Гася развернула документ и прочла. Удостоверение¹ гласило, что Кузнецов Иван Павлович, уволенный из армии по возрасту, и члены его семьи пользуются всеми правами и льготами, установленными для красноармейцев декретами Совнаркома.

В первый же день по возвращении домой семья принялась за работу. Нужно было заново поднимать почти дотла разоренное хозяйство.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В БОЛЬШУЮ ЖИЗНЬ

В мае 1920 года в Зырянке, на бывших землях служителей церкви, на том месте, где белые каратели порубили сельских активистов, беднота Балаира, Рухловой и

¹ Удостоверение хранится в Свердловском областном краеведческом музее.

Зырянки во главе с коммунистами организовала комму-
ну «Красный пахарь». В ней объединились 20 семей.
Это была первая ласточка коллективизма.

Опыт коммуны впоследствии (при переводе сель-
ского хозяйства на рельсы коллективизации) сыграл
свою положительную роль. «Но первые пять-шесть лет
коммунары бедствовали от недостатка тягла, инвентаря,
жилья и опыта коллективной жизни и хозяйства»,—
вспоминает А. И. Харитонов.

В том же году Иван Павлович отдает две горницы
под избу-читальню. Отец частенько заглядывал туда по
вечерам. Он любил книги, газеты, сам читал понемногу.
Агафья уже работала учительницей в Зырянке, и, когда
была свободна, отец просил ее разъяснить что-нибудь
прочитанное из газеты.

Позднее Гасю сменил Ника. Отец для начала обыч-
но просил:

— Полистай «Бедноту», какие там новости на земле
происходят?— А потом уже сам внимательно просматривал
журнал, и Никоша заранее знал: отец ищет
статьи с пометкой «В помощь хлеборобу». Ивана Павло-
вича интересовало все: и племенное животноводство, и
пчелы, и пшеница, и клевер...

Осенью двадцатого года Ника начал учиться во вто-
ром классе. Он был одним из дисциплинированных
учеников. Усердно, с охотой помогал отцу в различных
работах.

В 1922—1924 годах Никоша продолжает учебу в
Балаирской школе. В любую погоду, в дождь и слякоть,
в осеннюю распутицу, зимой в метель и стужу, шагал он
в соседнее село за несколько километров. Учителя, так
же как и в Зырянке, были довольны новым учеником.
Всегда собранный, подтянутый, любознательный, он
учился с большим прилежанием. Знания давались ему
легко.

«На уроках Ника был очень внимательным и «на
лету схватывал» объяснения учителей,— рассказывает
бывшая его соученица А. М. Федюнинских.— Он пер-
вым подымал руку, чтобы ответить на вопрос учителя...
А сколько стихов на память читал — уйму!»

У детворы он был признанным предводителем. С ним
было интересно. Выдумщик и фантазер, Ника лучше
других умел рыбачить на речушке, что протекает рядом
с деревней. Лучший биток для игры в бабки был у него.

Ника отлично ездил верхом. И когда ребята ранним утром в летнюю пору возвращались домой из ночного, часто устраивал скачки, соревнуясь в лихости и смелости. А сколько он знал удивительных историй! Недаром и взрослые любили поговорить с мальчиком.

Приезжавший к нам в гости И. А. Жуков с любовью следил за успехами в развитии начитанного мальчика. Сам большой знаток природы, он увлекательно рассказывал Никоше забавные истории о жизни леса, зверей и птиц. Свой разговор Жуков обычно начинал с загадок:

— Ты знаешь, о чем «шепчет» осина в безветренный день? А почему, когда с нее летом снимешь кору, осина становится кроваво-красной? А у березы этого не бывает?.. Кстати, какие породы березы ты знаешь?

— Белую! — откликнулся Никоша.

— И только-то?

— А еще черная бывает. У нас она редко встречается. Древесина у нее тяжелая, твердая. Мы с папой нашли одну такую за болотом и обод колеса из нее сделали...

Ника любил младшего брата. Он его нянчил в детстве, а когда тот подрос, мастерил ему игрушки. Никоша всегда старался воздействовать на братишку личным примером. Старшие однажды наблюдали такую сцену. Братья привезли воз соломы, начали метать ее на сеновал. Младший вдруг расхныкался. Оказалось, что Ника, бросая солому со снегом, несколько раз обдал Витю снежной пылью, и она попала ему за воротник. Старший смеется: «Поворачивайся, не будь увальнем!» А младшему обидно. Вот и расхныкался. «Да уходи ты, слабак, — покровительственно смеялся Никоша. — Смотри, я вот сам все без тебя сделаю и не заплачу. Нельзя нюни распускать, ведь ты — мужчина!»

...Как-то в конце января 1924 года в жгучее морозное утро Ника прибежал домой. Это было в тяжелые траурные дни, когда вся наша страна оплакивала смерть вождя партии и народа Владимира Ильича Ленина. Смерть Ильича так потрясла впечатлительного мальчика, что под тяжестью большого народного горя он не мог оставаться среди чужих. Нику потянуло домой. Близкие помнят, с каким чувством и волнением читал он стихи, посвященные родному Ильичу:

Налетела вьюга сгоряча,
Под деревней выла у околиц,

А в избе о смерти Ильича
Говорил приезжий комсомолец...

Осенью 1924 года отец повез Нику, успешно окончившего пятый класс, в Талицу, где в те годы была единственная в районе школа-семилетка. За деревней, когда переехали небольшой лог, отец кивнул головой на опушку темно-зеленого бора:

— Шумит!.. А могло быть иначе...

Иван Павлович гордился поступком своего сына, который сумел предотвратить лесной пожар.

Дело было так. В конце мая, получив свидетельство об окончании Балаирской школы, Ника возвращался домой. Уже подходя к деревне, он заметил огонь, расползавшийся у опушки леса. Зная, чем это грозит в хвойном лесу, Ника сломил молоденькую березку и начал изо всех сил прибивать огненные языки. Порывом ветра пламя перебросило к сухостойной чащобе, рядом с которой высились сосны, пихтач. Огоньки уже начали лизать окропленный смолой бронзовый ствол сосны. Обхлестанная ветка больше не прибивала пламя. Сломить другую березку — значит, потерять драгоценные мгновения. Огонь красным петухом может порхнуть по стволу дерева к вершине. А потом уж его не удержать! И Никоша, сорвав с себя рубашонку, привязал ее к обгоревшей березовой палке и продолжал единоборство с огнем. Он бил пламя, топтал... Загасив огонь, Ника аккуратно скатал обгоревшую рубашонку и отправился домой. Шел и боялся, что получит нагоняй. Но отец сказал: «Ты правильно поступил, сынок. Лес — народное добро, и каждый из нас за него в ответе».

...Провожая сына, Иван Павлович знал, что теперь встречи с Никой будут реже. Как-никак, за три десятка километров жить парню от Зырянки, и домой не набегаться! Спокойно и обстоятельно давал он сыну наказы, чтобы тот не забывал учебы, не нарушал дисциплину, был честен в большом и малом.

— За правдой пойдешь — счастье найдешь, — говорил Иван Павлович. — Смелость... она ведь начинается от правды. Помни это. Смелость — не бесшабашность, не озорство.

Позже Ника не раз повторял отцовские слова и Виктору: «Смелость начинается от правды».

В Талице Нику устроили на частной квартире. Теперь забот в семье прибавилось. Нужно было платить за сня-

тый угол, снабжать ученика продуктами питания, одеждой, обувью. А за дальностью дороги это стоило хлопот. Недаром в то время в Талице вместе с Никошей учились в семилетке только двое «приезжих» из деревни.

Талица — небольшой городок, прилепившийся возле реки Пышмы, на склоне лесистой горы. И летом и зимой здесь из земных недр бьют теплые незамерзающие ключи. В грозные дни гражданской войны Талица дала отряд добровольцев Красной гвардии, сражавшихся с белочехами. В незабываемом девятнадцатом в Талице находился штаб формирования 51-й дивизии Блюхера, знамена которой впоследствии были овеяны славой в боях с колчаковцами в Сибири и с полчищами генерала Врангеля на Перекопе. История оставила в городке свои заметные следы.

И не удивительно, что Талица показалась Никоше Кузнецову миром широким и интересным, полным новизны. На какое-то время он забывает свои увлечения: игру в городки и бабки. Ему хочется посмотреть и знаменитый сад промышленника Поклевского, и роскошный дом миллионера, где разместился детский дом. Ника после занятий в школе ходил на гору любоваться видом реки Пышмы. Вечером, когда в погожие воскресные дни на Песках (улица, где он квартировал) у дома кого-либо из соседей собирались взрослые, он любил посидеть, послушать бывалых людей.

Уже на первых уроках Ника Кузнецов произвел хорошее впечатление. Елизавета Зиновьевна Машанова, сестра заслуженной учительницы Анны Зиновьевны Снегиревой, которая заведовала Талицкой школой, вспоминает: «После Великой Отечественной войны, разбирая дневники, учебные записи сестры, я обнаружила строки, которые напомнили некоторые картины далеких лет. Как молодая, начинающая учительница, я с интересом следила за методикой работы сестры, имевшей к тому времени большой опыт преподавания. Однажды я заглянула в ее дневник, в котором она вела записи, характеризующие учащихся. Одна заметка касалась Ники Кузнецова: «Новичок — собранный мальчик, с большими задатками, подготовлен для учебы хорошо; при живости характера, на удивление, внимателен». Я спросила сестру, зачем она ведет такие записи. Анна Зиновьевна, как бы убеждая меня в своих мыслях, про-

никновенно сказала: «Учитель должен постоянно вести наблюдение за воспитанниками, изучать их психику, чтобы затем можно было подвести итог своей работы: какими были и какими стали ученики. Иначе не заметить успехов и недостатков. Не исключена возможность, что среди этих ребят растут свои Ломоносовы, Пушкины...»

Через некоторое время Елизавета Зиновьевна снова спросила сестру:

— Ну, как твой новичок?

— Сидит на уроке, не сводя глаз с учителя.

— Ты что, гипнотизируешь их?

— Нет. Никоша внимательно слушает не только меня, но и других учителей. Собранный, наблюдательный мальчик...

Ника Кузнецов был постоянным посетителем школьной библиотеки. Книги размещались в шкафу, что стоял в большом классе, класс этот служил залом для спектаклей и общешкольных собраний. В огромном шкафу вместе с книгами хранились архивные документы бывшего двухклассного училища. Дотошный Ника Кузнецов не раз просил разрешения у Анны Зиновьевны Снегиревой посмотреть, какие предметы изучали в училище, какая в нем была успеваемость. Не один вечер просидел Ника у шкафа. С помощью лесенки добрался и до верхних полок.

Вместе с дружкой, однофамильцем Сашей Кузнецовым, Ника стал бывать на квартире А. З. Снегиревой. Сестра Саши — учительница. Бывая в Талице, она оставалась у своей подруги, Анны Зиновьевны.

Ребята любили там проводить вечера. Много рассказывал Ника о себе у Снегиревых. Говорил, что в чтении книг придерживается определенной системы. Живет по распорядку, знает, в какой срок прочесть книгу, когда сходить в кино, съездить домой, поиграть с друзьями.

— Я любил играть в бабки, — говорил Ника. — В удачный год накопишь целую корчагу бабок. Весной выберешь из них крупные «панки». Просверлишь, залъешь оловом. Обдуешь. Потрясеешь над ухом: тяжелые!.. Как появятся первые проталины, нагрузишь полные карманы бабками и... айда играть с ребятами! Быстро из бабок вырастает кон. Встанешь на черту, метишь-метишь... Удар! И разлетятся бабки в разные стороны. Войдешь иногда в такой азарт, что дух замирает...

Рассказывал Ника, что он очень любил вечерними сумерками, сидя у стола или у печи, слушать воспоминания бывалых людей. И еще любил он ездить в ночное, сидеть у костра и рассказывать страшные истории. И когда в седьмом классе читали «Бежин луг», Ника лучше других написал изложение по рассказу Тургенева.

Елизавета Зиновьевна Машанова вспоминает: «Дрова в школу обычно привозили долготьем. Пилили их учащиеся после уроков или в воскресенье. Мне запомнился один такой день. Пришел Ника Кузнецов. Быстро установил козлы, и работа началась. Мальчик вооружился топором и очень ловко начал колоть дрова. Сначала некоторые работали с прохладцей, лениво. Ника сбросил с себя шапку, полушубок. Видно было, что труд для него — дело привычное. Скоро своим энтузиазмом Кузнецов заразил всех. Работа пошла веселее. Хором дружно запели:

Пили, пили, пила,
Коли, коли, топор!
В содружестве с пилой и топором
Тепло мы в школу принесем!

Вскоре дрова со звоном ложились в поленницу... Ника довольно смеялся: «Хороша каша, да мала чаша! Не успели развернуться, почувствовать вкус работы, а делать уже нечего. Жаль расхотеться по домам».

Потом долго, шумно играли в снежки.

«Кузнецов всегда был подтянутым, собранным. Зимой ходил в полушубке, подпоясанном ремнем с бляхой. На голове носил белую кубанку, надевая ее чуть набок, — вспоминает Нику учитель математики Василий Михайлович Углов, ныне проживающий в Челябинске. — В классе он всегда был дисциплинирован, подтянут. Мне казалось, что он из семьи кадровых военных. Об этом говорила его выправка. Постоянная собранность — типичная черта Ники Кузнецова. Вот таким он и остался в моей памяти».

Весной 1925 года шестой класс Талицкой школы совершил трехдневный поход-экскурсию на Балаирское опытное поле. А на обратном пути побывали в семье Кузнецовых.

«Приняли нас приветливо, — вспоминает Михаил Никанорович Петров (ныне проректор Тюменского государственного университета). — Как сейчас вижу отца

Никоши: средних лет, темно-русый. Он встретил нас за воротами дома, провел на свою пасеку, рассказал о жизни пчел и уходе за ними, угостил медом. Потом всем классом мы готовили в Зырянке клуб, чтобы показать постановку. Девочки и мальчики мыли пол, развешивали лозунги. Вечером поставили пьесу».

В. Ф. Чашихин, работавший в те годы преподавателем обществоведения в Талицкой семилетке, рассказывал, что за сорок лет его учительской деятельности перед ним прошли сотни молодых людей, и многих из них он забыл. Лишь четверо из выпуска 1926 года хорошо запомнились. Но трое из них остались в памяти по каким-то особым причинам, связанным с их характерами, отношением к учебе, или по внешним признакам: один был племянником учителя, другой — одноруким, а третий запомнился, видимо, потому, что он побывал в детстве со своими родителями в разных странах, вплоть до Гавайских островов.

«А вот Никоша Кузнецов, — вспоминает В. Ф. Чашихин, — запомнился мне как незаурядный ученик. Он выделялся среди других своим горячим стремлением к знаниям, настойчивостью. Учащиеся жили тогда в такое время, когда многие еще относились скептически к начинаниям Советской власти. Но молодежь живо интересовалась такими предметами, как история рабочего движения, Конституция РСФСР, текущие политические события. Ника Кузнецов увлекался этими предметами. Поэтому он так хорошо и запомнился мне.

Кузнецов был активным слушателем. Иногда высказывал удачные суждения или давал толковые объяснения событиям далекого прошлого».

Все, кто знал в то время Николая, до сих пор сохранили о нем самые теплые воспоминания.

Ника всегда готов был оказать помощь товарищам по учебе. Он повторял с ними трудные места в заданных уроках, пока товарищ не усваивал материал. Когда требовалось, он был серьезен и строг, но умел пошутить, посмеяться.

«Многое выветрилось из памяти, — рассказывает Анна Ефимовна Кирпичникова, — но то, что Ника отлично играл на гармонии, знал много песен и волнующе декламировал «Буревестника», я не забуду никогда. Одна картина мне особенно запомнилась. Незадолго до окончания семилетки мы ездили всем классом в де-

ревню Уэцкую, ставили там спектакль. Помнится, это были сцены из пьесы «Любовь Яровая». Как хорошо сыграл тогда Ника роль белого офицера! Холодный, надменный, жестокий офицер в припадке отчаяния метался по сцене как затравленный волк. Тогда игра Никоши понравилась не только мне, но и всем жителям Уэцкой, кто смотрел спектакль».

«С Никой Кузнецовым я впервые познакомился в 1925 году, когда учился на последнем курсе Талицкого лесного техникума, — в своих воспоминаниях пишет нам Александр Степанович Колотыгин, проживающий ныне в городе Перми. — Осенью, после возвращения с полевых лесоустроительных работ, я с моими товарищами Ваней Голиковым и Сашей Дудиным — тоже студентами техникума — снял комнату в частной квартире, у Масловой Екатерины Павловны.

И вот в один из первых дней сентября у нас появился еще один сосед — знакомый хозяйки из деревни Зырянки. Это был коренастый сероглазый мальчик Ника Кузнецов. Его привез человек средних лет, с пышной бородой, в меру разговорчивый. Как впоследствии я узнал, это был отец Ники — Иван Павлович Кузнецов. Они договорились, и Ника стал жить в одной из комнат хозяйки. С нами он познакомился в первый же день. Узнав у хозяйки, кто мы, он попросил разрешения и зашел в нашу комнату. Назвал себя Никой. Мы заинтересовались, что за имя? И он пояснил, что его полное имя Никанор, но оно ему очень не нравится, и он с удовольствием сменил бы его, но как это сделать?

Ника был ростом немного выше своих сверстников, как-то по-особому подтянутым. Одет был в белую рубашку, черную курточку, брюки навыпуск. На курточке приколот значок Осоавиахима, который он носил постоянно.

Мы его пригласили присесть, стали расспрашивать о его школьных делах. Ника рассказывал легко, спокойно, негромко.

Ну а в дальнейшем мы все, квартиранты Екатерины Павловны, можно сказать, жили одной семьей. В длинные зимние вечера, когда были выполнены домашние задания, Ника всегда заходил к нам, интересовался нашими заботами, расспрашивал о нашей будущей профессии. Часто сам рассказывал что-нибудь интересное, смешное. Любил играть в шахматы и нередко обыгры-

вал кого-нибудь из нас. Уже тогда он самостоятельно решал шахматные задачи, хорошо играл в шашки.

Ника был веселым, общительным парнем. Умел в свои четырнадцать лет неплохо играть на гармошке и на балалайке. У него оказались хороший слух, сильный, приятный голос. Петь он любил, а в некоторых песнях становился даже запевалой.

На вечеринках, которые, кстати, бывали нечасто, Ника всегда старался быть с нами. И не стеснялся, не забивался в угол среди более взрослых парней и девочек. Танцевал с девушками вальс, польку, кадрили. Умел плясать «русского» и лихо отбивал чечетку.

И еще одна деталь: Кузнецов очень любил спорт — играл в городки, ходил на лыжах, увлекался стрельбой.

Один из нас — Саша Дудин — имел хорошее двуствольное ружье. И мы в свободное время часто ходили в ближайший лес пострелять. Конечно, и Ника всегда был с нами. В одно из воскресений в компанию попросился школьный товарищ Ники — горячий, задорный паренек. Еще дорогой он поспорил с Никой: «То, что ты хорошо стреляешь по мишени, мы знаем, а вот как ты попадешь в птицу на лету?» Ника, не задумываясь, говорит: «Давай попробую стрелять влет».

Берет ружье и командует своему дружку: «Ну, бросай кепку, только выше». Тот бросает, и кепка оказывается простреленной. Задор у спорщика не проходит: «Кепка — это крупная цель, в нее легко попасть, давай я брошу что-нибудь поменьше». Отыскав старую консервную банку, он бросает ее. Прогредел выстрел, и банка тоже оказалась пробитой.

Ника любил купаться и с наступлением теплых дней постоянно ходил со школьными друзьями на Пышму. Плавал он хорошо и Пышму (около 200 метров в ширину) переплывал туда и обратно без передышки. Хорошо нырял в воду, для чего выбирал крутые берега.

Саша Дудин был хорошим спортсменом и для разминок построил во дворе турник. Нике очень хотелось заниматься на нем, но достать до перекладины Сашиного турника он не мог. Тогда от строит рядом свой турник, по росту. На нем он всегда «крутился» по утрам, до школы. Вот таким и остался в моей памяти Ника Кузнецов».

Александр Степанович Колотыгин прислал нам и

сохранившуюся у него фотографию, на которой запечатлены хозяйка квартиры Е. П. Маслова и ее квартиранты, среди них и наш брат Ника.

В школе Ника впервые обнаружил незаурядные способности лингвиста. Он очень быстро усваивал немецкий язык и этим резко выделялся среди других учеников. Русский язык преподавала Ф. А. Яблонская, немецкий — Н. А. Автократова.

Нина Алексеевна Автократова, получившая в свое время образование в Швейцарии, в совершенстве владела французским и немецким языками. От нее Ника получил первый хороший «заряд» в познании иностранного языка. Узнав, что преподаватель по труду — бывший военнопленный немец, Николай не упускает случая, чтобы поговорить с ним, попрактиковаться, усвоить произношение новых слов.

Но этого ему казалось мало. Он не раз находил предлог побывать в аптеке и поговорить еще с одним «немцем» — провизором из австрийцев.

Это было неосознанным увлечением. Николай Кузнецов не мог и думать тогда, что увлечение приведет его со временем на необыкновенную дорогу, сделает неуязвимым для врагов нашей Отчизны и обессмертит его имя.

СЕРЬЕЗНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

23 июня 1926 года. У семиклассников Талицкой фабрично-заводской школы праздник. В клубе готовится выпускной вечер. Девочки ходят притихшие, грустные. Ребята держатся спокойно, как будто ничего не произошло. Мужская сдержанность. А вообще-то, все в душе ликуют: позади остались годы напряженной учебы. Впереди новые, неизведанные дороги. А взгрустнулось девочкам потому, что жаль расставаться подругам...

На память о совместной учебе и дружбе решили сфотографироваться всем классом. Ника встал рядом с Сашей Кузнецовым, Мишей Петровым, Николаем Прохоровым. Лицо его озабочено. Взгляд устремлен

вдаль. Тремя днями позже, получив снимок, Никоша сделал на нем надпись: «Что день грядущий мне готовит?»

Вечером в клубе на торжественном собрании выпускники получили свидетельства об окончании семилетки и общественную характеристику. Выступая с приветствием, секретарь райкома партии Южаков говорил:

— Дать характеристику каждому окончившему школу рекомендовал райком. Этот документ будет говорить о том, как вы, молодые граждане Страны Советов, участвуете в строительстве новой жизни, как готовитесь стать в ряды созидателей нового мира. Сегодня учиться хорошо — мало. Нужно учиться быть борцом за социализм!..

Николай Кузнецов получил одну из лучших характеристик.

Пока на сцене готовились к концерту, Нику подзвал преподаватель обществоведения В. Ф. Чашихин.

— Ты что такой серьезный сегодня? — удивился он и засыпал Нику вопросами: — Какие планы у тебя на будущее, куда намерен пойти учиться? Я бы советовал в педагогический техникум. Из тебя выйдет хороший учитель! Способности есть. Я видел, как вы с Мишей Петровым пионерские сборы проводили.

— А Миша, Виктор Федорович, подает заявление в лесотехнический, — повеселел Ника, — он не хочет отставать от друзей. Я же еще не решил. Отец все мечтает увидеть меня агрономом. А мне работа лесовода тоже нравится. Теперь и раздумываю: хлеб или лес... Хлеб, конечно, важнее. Но учиться на агронома нужно ехать в Тюмень. А у меня папа давно уже недопогает, — закончил Ника опечаленно.

По приезде Никоши из Талицы дома обстоятельно советовались, какую профессию ему лучше избрать. Наконец решили, что при создавшемся положении (болезнь отца) Нике следует определяться в Талицкий лесной техникум. Это ближе, значит, легче будет содержать студента.

Но поступить в техникум оказалось не так просто: школу Ника закончил пятнадцати лет, а туда принимали учащихся более старшего возраста. Недостатка в желающих учиться там не было, в техникум шли и со средним образованием, шли с рабфаков и из лесных школ. И, конечно, таким абитуриентам отдавали пред-

почтение. Да и прием был небольшой — всего 25 человек. По этим причинам Нике Кузнецову отказали. «Молод еще, годы не вышли», — заявили ему.

Неудача нисколько не огорчила Ивана Павловича, он решил отправить сына учиться в Тюмень. Незадолго до отъезда Никоша завел разговор с отцом. Зная, как сдало в последние годы его здоровье, он сказал:

— Папа, а почему бы тебе не вступить в коммуну? Там машины, артелью работать легче.

— Видишь ли, Никоша, — ответил отец, — я сам прекрасно понимаю, что артелью сподручнее трудиться: где дружно, там не грузно. Когда мы создавали кооперацию, я сам мужиков звал в нее, чтоб покончить с засильем торговцев. В коммуну в первые годы я не пошел, вас жалел. Ведь с жильем в «Пахаре» до сих пор трудно. Да и хозяйство, многими годами нажитое, не так легко в общий котел кинуть. Ну а теперь с моим здоровьем идти в коммуну совесть не позволяет. Не хочу, чтобы кто-то попрекал меня: пришел, дескать, на готовое! Ты читал, в газетах как пишут? «Коммуна — ударный отряд, и солдаты в нем должны быть отменные». А моя песенка, видать, спета... — голос отца дрогнул. Заметив, что сын запечалился, Иван Павлович подбодрил его: — Вы-то, дети, я уверен, будете счастливее нас. У вас другая жизнь, другая будет дорога...

Осенью 1926 года Николай Кузнецов поступил на первый курс агрономического отделения Тюменского сельскохозяйственного техникума.

Тюмень, хотя Ника проучился там всего лишь год, оставила заметный след в сознании юноши. Здесь он вступил в ряды комсомола, здесь ходил на первые коммунистические субботники.

Незадолго до окончания экзаменов, в начале июня 1927 года Ника получил телеграмму из дому, извещавшую о смерти отца.

Семью Кузнецовых постигло большое горе. Простудившись, Иван Павлович заболел скоротечным туберкулезом и умер в возрасте 56 лет.

Ника приехал в Зырянку на второй день после похорон отца. Он горько переживал утрату. Взъерошенный, бледный, в какой-то серенькой рубашке, ходил он по дому подавленный, молчаливый, заглядывал во все уголки, как бы стараясь убедить себя в том, что отца нет и никогда не будет. Бережно и внимательно рассматри-

вал Ника фотографию Ивана Павловича в гробу, окруженном осиротевшей семьей. Это было его первое большое горе. Он любил отца, уважал за трудолюбие и честность, за тягу к культуре и свету знаний. Но, глядя на безутешно плачущую мать, Ника нашел в себе силы и начал нежно успокаивать ее:

— Не плачь, мама, утрату не вернешь слезами. Успокойся, давай лучше поговорим, посоветуемся о нашей дальнейшей жизни...

Теперь он стал старшим мужчиной в доме. Ника хотел было остаться в деревне, чтобы взять на себя всю тяжесть ведения хозяйства, но семья энергично восстала против такого решения и настояла на выполнении завещания отца. Последними словами Ивана Павловича, обращенными к семье, были: «Нику обязательно дальше учите, хотя знаю, что вам будет трудно... Витя будет помогать матери вести хозяйство, а Нику обязательно учите!»

Чтобы быть ближе к осиротевшей семье, Николай Кузнецов осенью 1927 года поступил на первый курс Талицкого лесного техникума.

Бывший заведующий учебной частью этого техникума П. В. Луговых вспоминает:

«У нас к студентам, кроме топографического черчения, знания геодезии и топографии, предъявлялись требования уметь хорошо читать карту и планы, ориентироваться на местности (особенно в лесу и в ночное время), в совершенстве знать территорию учебного лесничества (а его площадь была 35 тысяч гектаров!), знать, где находятся кордоны, дороги, тропы и объезды, речки и овраги. Учебный план техникума предусматривал обязательный предмет — охотоведение. В порядке практики студенты вели организованный отстрел птиц и зверей и сами делали из них чучела. Учащиеся должны были уметь ходить на лыжах по целинному снегу, стрелять из огнестрельного оружия».

Питомник техникума был настоящим дендрарием, который насчитывал многие десятки видов древесно-кустарниковых растений из разных зон страны и среди них: ель сибирская, лиственница, пихта, вяз, клен, рябина, тополя, березы, кедры, акации... Студенты в питомнике проходили практику, учились сажать разные породы деревьев, «лечить» их, по очереди несли суточные дежурства на метеорологической станции.

Много раз за зиму им приходилось попарно дежурить на семеносушилке, а ранней весной вести лесопосадочные работы на учебном поле.

Ника, выросший в деревне, хорошо знал местную древесную растительность, травы и мог, по его выражению, узнать растения «с завязанными глазами».

«В ботанике Никоша разбирался отлично, — вспоминает М. Н. Петров. — Повела нас учительница естествознания — было это в седьмом классе — на луг. Спрашивает: вот вам цветок. Из какого он семейства? Ника принес целую охапку растений и дал им точное определение.

Студенты изготовляли гербарии. Саженьцы и гербарии техникум рассылал во все города Союза. Проводили съемку пруда на Урге (что за городом) для нивелировки. Делали съемку хвойных массивов на кордонах...»

Нелегко было Нике учиться. Ему приходилось выполнять и жесткие требования программы и находить время помогать семье по хозяйству. Но юноша не сдавался. Он настойчиво овладевал знаниями, упорно шел к намеченной цели.

В техникуме Ника близко сошелся с Федей Белоусовым и Володей Захаровым. Белоусов приехал на учебу из Нижнего Тагила по комсомольской путевке. Он окончил десятилетку и уже некоторое время работал. Федя был более опытным в жизни и «богаче» своих друзей. Он имел приличный выходной костюм. Друзья носили его по очереди. Ника был выше всех ростом и когда надевал этот костюм, то приходилось распускать «манжетку», а Владимиру брюки были длинноваты (он меньше всех ростом!) — брюки укорачивали... Все трое жили на одной квартире, а когда в техникуме было отстроено здание общежития, перешли туда.

В то время лесничим в учебно-опытном хозяйстве работал старый гвардейский солдат. Кроме положенных дежурств он часто, даже в суровые морозные дни, посылал студентов ночью на лыжах с экстренным, «совершенно секретным» донесением на кордон (за 25—30 километров) и требовал, чтобы они к утру возвращались обратно. Солдат-лесничий устраивал ночные облавы и засады в лесу по выслеживанию «лесных воров» — самовольных порубщиков. Он прививал студентам военные навыки и дисциплину. Но суровые требования лесничего не тяготили молодежь. В них студенты видели

романтическое начало и состязались в ловкости, силе и выносливости.

В такой обстановке воспитывался и закалялся Николай Кузнецов и его товарищи.

Новые заботы и интересы захлестнули паренька. Вечерами он пропадал то в библиотеке, то в спортивном клубе «Орленок». Ему хотелось поспеть всюду: и на спортивные соревнования, и на занятия кружка «эсперанто», который вел учитель Суетин. А еще надо было ездить со спектаклями в соседние села, отвечать на письма немецких комсомольцев, с которыми ячейка ВЛКСМ техникума поддерживала дружескую связь, выступать на диспутах.

М. П. Петров вспоминает:

«Мне на всю жизнь запомнилось одно из занятий комсомольского политкружка в «Орленке», которое проводил старый коммунист. Он рассказал о революции 1905 года, а потом, разделив нас на две группы, устроил между нами состязание — «политбой». Ребята друг другу задавали вопросы о текущей политике. В зависимости от ответов старый коммунист записывал сторонам «очки» и «поражения». Ника тогда показал себя начитанным и осведомленным больше, чем другие».

1928 год. Второй курс лесного техникума. И, как всегда, Ника своею настойчивостью и усидчивостью удивляет всех. Он занимается немецким языком, хотя в техникуме преподавание иностранного языка учебным планом не предусматривалось. Некоторые смотрят на это как на причуду. А Ника, узнав, что приезжающий в контору лесничий Гонольд — немец, из бывших военнопленных, заводит с ним дружбу и при встрече стремится говорить только по-немецки.

Преподаватель черчения Леонид Иванович Шихалеев, о котором до сих пор его ученики вспоминают как о привередливом, ворчливом старике, хвалил Нику Кузнецова за блестяще выполненные работы. Он любил повторять: «Этот паренек добьется толку. Он всегда будет есть белый хлеб с маслом!» По мнению Шихалеева, специалиста старой школы, умение чертить означало заработать себе на белый хлеб, а научиться красиво подписывать планы — иметь белый хлеб с маслом. Однако Ника отвечал Шихалееву: «Леонид Иванович, а меня не привлекает сытое благополучие и богатство. Я стремлюсь в первую очередь к светлой, честной жизни».

И действительно, у Никоши всегда была большая тяга к хорошему, к правде и справедливости.

— Его отличали доброта и скромность,— отмечает П. В. Луговых.— Он любил поиграть, пошутить, спеть. Но никогда не старался «показать» себя, выделиться. Он не сторонился товарищей, но был серьезней их, вдумчивей, любил внимательно наблюдать за окружающим.

Один из товарищей юношеских лет Е. М. Решетников из деревни Пуртовой, ныне проживающий в Москве, вспоминает:

«Как-то летом, не то в 1925, не то в 1926 году, я пас коней у кулака Ильи Савиновича. Спать приходилось мало, да и от жары я сильно сомлел, потому, когда хозяин стреножил коней и ушел домой, я прилег на траву и незаметно уснул. Кони, оставшись без присмотра, ушли в чужой хлеб. Вернулся хозяин, увидел потраву да так меня отделал прутом, что я ни сесть, ни лечь не мог. Ника Кузнецов прибежал на мой крик. Он участливо спросил, за что меня избили, а потом погрозился, что обязательно отомстит кулаку за меня.

Вскоре мы вторично встретились с Никой, он шел на рыбалку. Удили наши ребята обычно в реке, что протекает через село Балаир. С плотины хорошо виден высокий обрывистый берег, где гнездились ласточки. Ребята их называли «береговушами». Пришли мы тогда целой гурьбой к плотине рыбачить. Вдруг слышим, ласточки писк подняли. Видим, двое мальчишек полезли на обрывистый берег и начали зорить гнезда. Никоша сильно возмутился и хотел было прогнать мальчишек, как вдруг один из них сорвался и слетел под откос, прямо в трясины. Мы засмеялись, а Никоша крикнул мальчишке: «Так тебе и надо, не будешь мучить беззащитных птах». Очень не любил Никоша, чтобы кто-либо обижал слабого да беззащитного...»

Об этой же черте характера Николая рассказывает и П. В. Луговых:

«Однажды мне пришлось быть свидетелем такой сцены. Учащиеся в лесу нашли молодых птенцов-филинов, и один из студентов, человек вздорный и нестоящий — недаром его звали Копейка, — начал их мучить. Ника до глубины души был возмущен таким поведением. «Ну зачем ты это делаешь, ведь нехорошо!..» — начал было он увещевать. Тогда Копейка, с вызовом ухмыльнув-

шись, злобно рванул и выломил у птенца крыло. Кузнецов негодуяюще вскипел и закатил Копейке такую оплеуху, что тот не устоял на ногах».

Случай этот обсуждали потом на собрании комсомольской ячейки. Копейку стыдили, а Нике Кузнецову за нетактичный поступок вынесли порицание. Копейка затаил злобу.

Большая собранность, доходящая до пунктуальности, помогала Николаю Кузнецову сочетать серьезную учебу с активной общественной работой. А круг его интересов был широк и разнообразен. Он усиленно занимался спортом, особенно лыжным и стрелковым, играл в городки и баскетбол, участвовал в кружках художественной самодеятельности, играл на гармонии.

Веселый, общительный, он был душой коллектива. Студенты избрали комсомольского активиста в профком техникума. Кузнецов вел там большую организаторскую работу.

О постоянном внимании, которое Ника проявлял к товарищам по учебе, рассказывает А. С. Кондрова:

«Приближалось празднование 7 Ноября. Мы все, ребята и девчата, украшали наш техникум к предстоящему торжественному вечеру. Много пели, шутили, смеялись и мечтали, мечтали!

Здесь же был и Никоша. Много у меня было товарищей и подруг, казалось, все одинаково хороши; но имя Николая, образ его в моей душе всегда сиял ярче других. Я, как и все, скоро прониклась к нему большим доверием и уважением. А вечер 6 ноября на всю мою жизнь утвердил эти чувства.

В тот день я узнала, что некоторым студентам было отказано в стипендии. В числе их оказалась и я. Моя мать — работница завода, вдова — имела на своем иждивении трех детей, и я учебу без стипендии продолжить не смогла бы. Сейчас не знаю, как я выглядела, но, видимо, поникла настолько, что как рукой сняло веселье и с моих товарищей. Вначале все замолчали, потом стали возмущаться, а Никоша побежал куда-то.

Я же оделась по-дорожному, собрала вещи в чемоданчик и направилась к выходу. Как вдруг передо мной распахнулась дверь, на пороге стоит Никоша в светлом плаще нараспашку, сияющий! Он громко крикнул: «Никуда ты не поедешь, сними жакет и идем на вечер!»

Оказалось, он разыскал директора (Никоша был

председателем профкома), поднял всех на ноги, мои документы пересмотрели и убедились, что отказ мне в стипендии был неправильным. Так благодаря Никоше я осталась в техникуме, за что благодарна ему всю жизнь.

Николай Кузнецов был хорошим студентом, комсомольцем. К его стройной фигуре очень шла ловко пригнанная юнгштурмовка с португеей через плечо, белоснежная рубашка всегда была с галстуком. Таким его видели товарищи по техникуму.

Летом 1928 года во время полевой практики по геодезии Кузнецов был в группе за старшего и вел геодезический журнал. Этот журнал и маршрутный дневник с подробным описанием местности преподаватель А. Т. Дурников долго еще хранил и показывал студентам как образцовый.

Приезжая домой на праздничные дни или на каникулы, Ника в меру своих сил помогал правлению и парторганизации коммуны «Красный пахарь» проводить организаторскую работу среди крестьян. Часто он заходил в «пожарку» (помещение пожарной охраны) — единственное большое здание в Зырянке, которое использовалось как клуб. Крестьяне, и старые и молодые, любили потолковать с Никошей, узнать новости текущей политики Советского государства и международной жизни. Завязывались оживленные беседы о коммуне и колхозе, о займе индустриализации.

«Я учился на курс позже Н. Кузнецова, — вспоминает инженер Талицкого химлесхоза В. Т. Кальсин. — По заданию райисполкома вместе с ним мы проводили в Зырянке землеустроительные работы. По просьбе Кузнецова собрали сход односельчан. Комсомолец призвал зырянцев беречь леса от пожаров, охранять их от хищнической порубки. Потом разговор зашел о колхозах. Как здорово он умел говорить! Речь его была образна, доходчива. Он хорошо знал, чем «дышит» каждый крестьянский двор, знал, сколько десятин земли, сколько скота у того или другого хозяина. Под конец собрания даже старики, сомневающиеся в жизненности колхоза, согласно кивали головой, когда Кузнецов говорил: «Мелким хозяйствам из нужды не выйти».

Виктор Николаевич Дерябин, сын одного из зарубленных в 1918 году сельских активистов, работавший в то время заведующим хозяйством коммуны, вспоми-

нает: «Ника Кузнецов, приезжая в Зырянку, помогал нам вести хлебозаготовки, руководил кружком ликбеза... Он был человеком с открытой душой. Отличный организатор, Кузнецов умело помогал нам крепить трудовую дисциплину, во всем был нам верным помощником».

Однажды он по мельчайшей детали обнаружил у кулака деревни Речкиной хитро запрятанный хлеб. Как-то вместе с Копейкой им поручили обойти в Балаире несколько десятидворок и провести подписку на заем индустриализации.

Зашли к довольно зажиточному крестьянину, имевшему крепкое хозяйство.

Копейка буквально с порога пошел приступом:

— Мы распространяем заем индустриализации.

— Ну и что? — осадил его хозяин дома.

— Подписывайся.

— А я не особо расположен. Что это даст мне?.. — проговорил он, хитро поглядывая из-под насупленных бровей.

— Ты что, будешь подписываться, когда порохом запахнет? — срываясь, закричал Копейка.

— Вы меня порохом пугать, сморчки?! Меня Колчак не напугал шомполами... — взорвался мужик и, вскочив с лавки, огромный, как медведь, подняв кулачищи, вперевалку пошел на агитаторов. — Вон отсюда! — загремел хозяин.

— Ты, дядя Роман, успокойся, — поднял руку Николай. — Послушай, что я скажу.

— Ну-ну, Расскажи, сынок, — немного остыл хозяин, — может, растолкуешь, не как этот, дюже горячий...

И Николай Кузнецов обстоятельно разъяснил крестьянину, для чего Советское правительство выпускает заем индустриализации, что это дает стране, народу.

— Ну, это другой разговор, — согласился крестьянин. И, посмотрев на Копейку, добавил: — А ты хотел как на балайке: трень-брень — и готово! Пишите. И не на пять рублей, а на все десять!..

О том, как вел себя в деревне Копейка, Ника рассказал товарищам в общезнании техникума. Посмеялся дружелюбно, в лицах передавая сцену разговора. Но Копейка счел это кровной обидой...

1929 год. Вся наша страна переживает напряженные,

Семья Ивана Павловича и
Анны Петровны Кузнецо-
вых. Старшая сестра Агафья
(стоит), внизу — сестра Ли-
дия.

Ника Кузнецов — выпуск-
ник семилетки (1926).

Ника Кузнецов (стоит
справа), А. С. Колотыгин
(крайний слева), В. Голи-
ков и С. Дудин с семьей
хозяйки квартиры Е. П.
Масловой.

Ника Кузнецов стал стар-
шим в семье, забот прибави-
лось. Пристально всматрива-
ются в жизнь зоркие
глаза (июль 1928 г.)

Ника Кузнецов любил комсомольскую форму — юнг-штормовку (ноябрь 1928 г.).

В память о комсомольской дружбе... Николай (сидит) с товарищем по учебе в лесном техникуме Фейей Белоусовым (декабрь 1928 г.).

Таксатор Николай Кузнецов. На снимке, подаренном родным, надпись по-немецки: «Июль 1931 г. В память о работе в Кудымкаре».

Н. И. Кузнецов (показан стрелкой) студент третьего курса Талицкого лесного техникума на практике с однокурсниками летом 1929 г. на Широковском кордоне Талицкого учебно-опытного лесничества.

Участники пленума Коми-Пермяцкого окркуппромсоюза 1932 г. Н. Кузнецов в третьем ряду второй справа.

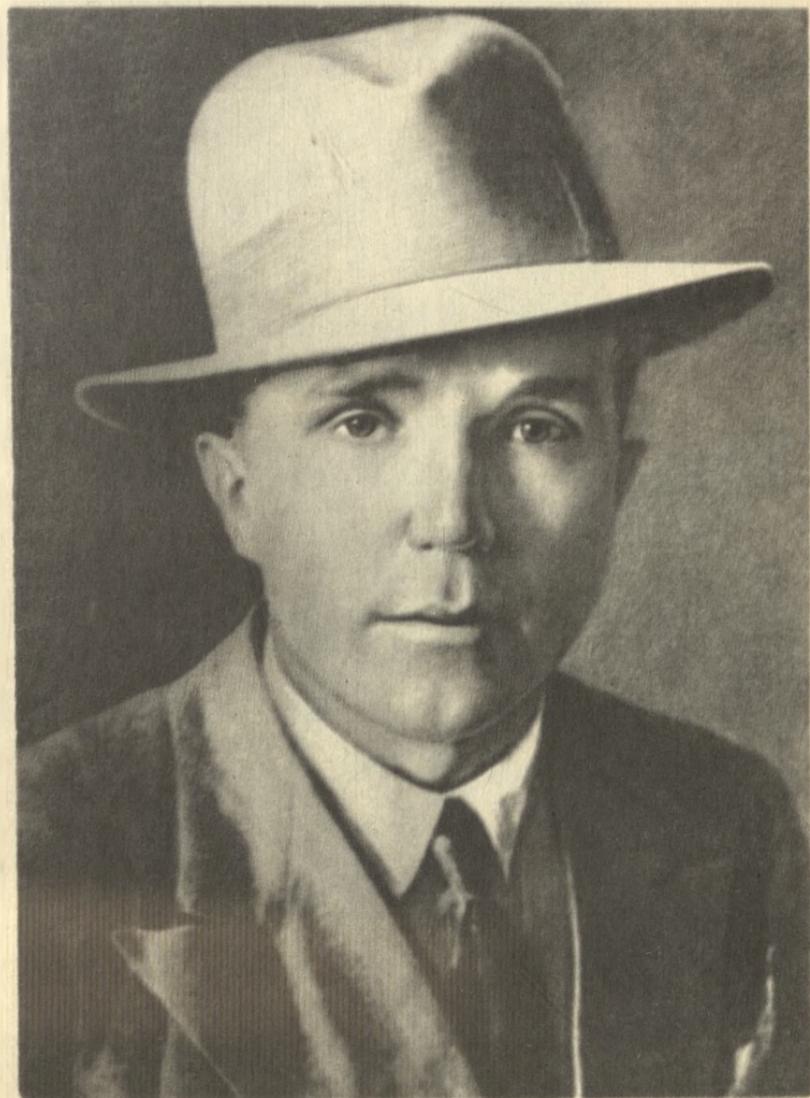
Котовский — любимый герой Николая Кузнецова. Комсомолец подражал ему и внешне. Снимок сделан в апреле 1930 г. перед выездом на работу в Кудымкар.

Памятная встреча в Свердловске. Николай (справа),
Лидия и Виктор Кузнецовы
(февраль 1932 г.).

Н. И. Кузнецов. Начало
1941 г. Москва.

Н. И. Кузнецов в годы работы на Уралмашзаводе (1935—1936).

Н. И. Кузнецов во время пребывания в Ленинграде (1940).

Работники конструкторского отдела Уралмашзавода часто выезжали в лес на прогулки.

На снимке: Н. И. Кузнецов (четвертый слева) среди сослуживцев.

волнующие дни революции в сельском хозяйстве. Повсеместно развернулась сплошная коллективизация. Захваченный величием этого процесса, Ника едет домой. Он разъясняет односельчанам бесперспективность единоличного хозяйства, призывает к коллективному труду в деревне.

Горячо доказывал Ника матери преимущества новой жизни.

— Ты стареешь, мама, — говорил он волнуясь. — Здоровье твое слабеет. Виктор еще мальчик, а я мало вам помогаю, и вы оба надрываетесь в непосильном труде. В коллективе, сообща, будет работать легче. Виктор сможет подучиться, стать трактористом, умелым, грамотным работником, какие сейчас нужны сельскому хозяйству.

Ника убедил мать вступить в члены коммуны «Красный пахарь». И 5 мая 1929 года Анна Петровна с сыновьями Николаем и Виктором собрала свой инвентарь, лошадей и другое имущество и передала его в общественный фонд коммуны. Туда же был перевезен и дом Кузнецовых, который переоборудовали под общественную пекарню.

Весной в деревнях и селах района начали организовываться первые сельскохозяйственные артели. А когда колхозникам потребовалась помощь, Ника одним из первых вызвался ехать в село — помогать в составлении плана посевных площадей.

«Как сейчас вижу высокие сани, в которые мы погрузили свои нехитрые пожитки, — вспоминает друг комсомольской юности Николай Кузнецов, Федор Александрович Белоусов, — Ника был в белой меховой мохнатой шапке. Выехали мы под вечер. Сначала погода не предвещала ничего плохого. А потом вдруг замело. Ветер крепчал с каждой минутой. Он подхватывал кучи снега и швырял их о борта наших саней, слепил глаза. И вот уже все вокруг нас превратилось в сплошное бушующее месиво. Мы и не заметили, как сбились с дороги. Лошадь с трудом тащилась по глубоким сугробам. Я уже приуныл. Взглянул на Нику, он раскраснелся, по-прежнему весел, может быть потому, что вырос в деревне и не боялся метели.

Неизвестно, сколько мы проехали, как вдруг Ника попросил остановиться. Долго всматривался в снежную крутоверть, а потом решительно проговорил:

— Ну, Федька, давай жми прямо!

Как оказалось потом, сквозь белесую мглу вьюги Ника сумел разглядеть сигнальные огни семафора.

Больше недели прожили мы тогда в селе Елань. С утра до вечера ходили с колхозниками по заснеженным полям, еще рассеченным на мелкие полоски и клинья. Рассчитывали, где и что лучше посеять, сколько и каких семян припасти к весне, сколько потребуется тягловой силы. До ночи при тусклом свете семилинейки вычерчивали планы посевов, перекраивая чересполосицу. Поля получались у нас большие, широкие...»

Семья Кузнецовых добросовестно трудилась в коллективном хозяйстве. Осенью 1929 года Виктора Кузнецова правление коммуны послало учиться на курсы трактористов. Так, менее чем через полгода, подтвердились слова Ники, сказанные брату, что в коллективном хозяйстве он станет специалистом.

А Николай продолжал учебу в Талицком лесном техникуме.

То было грозное время. Империалисты во главе с папой Римским сколачивали легионы для крестового похода против Советской России. В Германии зашевелились гитлеровские молодчики. Китайские империалисты захватили КВЖД. На границах нашей страны милитаристы прощупывали крепость сил молодого социалистического государства. В воздухе пахло порохов...

Однажды, осенью 1929 года, темной ночью студентов техникума подняли по тревоге. Отряд, предводительствуемый военруком, направился к ближайшей железнодорожной станции. В сосновом бору, километрах в полутора от станции, остановились. Секретарь райкома партии объявил:

— Империалисты пытаются нарушать наши дальневосточные границы. Готовы ли вы отправиться на боевые позиции? Если кто трусит или болен, может идти домой.

Глубокую тишину прорезал звонкий, взволнованный голос:

— Готовы, хоть сейчас отправляйте в бой!..

Это был Николай Кузнецов.

В техникуме Ника получил не только знания, но и хорошую закалку бойца. Он был верен комсомольской клятве, беззаветно любил свою Родину.

Ника старался быть бескомпромиссным во всем. Он не терпел красноречия и высокомерия. Сам был скромн, всегда подтянут. На одном из комсомольских собраний Кузнецов резко критиковал секретаря комсомольской организации за беспринципность. Он знал, что комсомольский вожак ругает ребят за выпивку, а сам втихомолку тоже прикладывает к «злодейке с наклейкой». Секретарь комсомольской ячейки, молодой парень, в условиях города находил нужным держать в хозяйстве лошадь. «Ты что, собираешься возвращаться к нэпу?» — корил Кузнецов незадачливого руководителя.

Однажды на молодежном вечере, когда Копейка начал пошлить над девушкой, с которой танцевал Ника, Кузнецов публично отчитал остряка — «пустозвона Балалайкина».

И над комсомольцем-активистом начали сгущаться тучи. У клокотавшего мезтью Копейки появился союзник — секретарь комсомольской организации. Тот нашел предлог выступить в роли «сугубо бдительного». Собрав послушный для себя круг студентов, секретарь устроил «расширенное» заседание бюро ячейки и выступил обвинителем Кузнецова. Секретарю рьяно помог Копейка. Николаю вменялось в вину, что он якобы принадлежал к кулацкой семье и вместе с отцом, белогвардейским офицером, отступал с белыми.

— К тому же ты дружил с «есенинцем» Белоусовым! — кричал Копейка (Федя Белоусов неделей раньше был исключен из комсомола за то, что дружил с девушкой из старой интеллигентной семьи, где действительно почитали Есенина).

Удар, подготовленный интригами, был для Ники неожиданным. Бюро заседало не в полном составе, Кузнецову не дали высказаться. Здесь, в трудную для него минуту, Ника узнал, что один из друзей, которому он когда-то верил, трусливо отвернулся и даже закулисно участвовал в подготовке травли Кузнецова.

Используя факты из биографии Николая в искаженном виде, секретарь ячейки поставил вопрос о «пребывании» его в комсомоле. При голосовании большинством в два голоса Николай Кузнецов был исключен из комсомола и с последнего курса техникума. Но он понимал, что под лозунгом борьбы с кулачеством с ним сводили личные счеы.

«Ника уходил со слезами на глазах, — вспоминает Александра Фирсовна Тарасова, соученица Николая, проживающая ныне в Перми. — Обратившись к собранию, он сказал: «Здесь произошла ошибка... Мне выразили политическое недоверие. Но вы еще услышите обо мне! Я докажу, что со мной поступили несправедливо. Я докажу, что достоин называться сыном социалистической Отчизны».

Этот страшный сам по себе удар, обрушившийся на плечи восемнадцатилетнего юноши, да еще накануне окончания техникума и осуществления заветной мечты о работе в любимых уральских лесах, мог бы свалить и более зрелого человека. Но убежденность в своей правоте, глубокая уверенность в том, что несправедливость будет исправлена, помогли Николаю Кузнецову найти в себе мужество и силы, чтобы справиться с потрясением, выстоять, не надломиться, не опустить рук. Дома, когда мать уговаривала сына бросить свои хлопоты, не мучить себя переживаниями, Ника с суровой решимостью ответил:

— За правду я буду стоять насмерть!..

Вернувшись домой, Ника стал работать в коммуне «Красный пахарь». Вместе с братом Виктором и старыми друзьями — коммунарами — он возил сено, дрова, ухаживал за скотом. Многие односельчане недоуменно спрашивали Николая:

— Как это получилось? Ты учился, почти уже техник, был активным комсомольцем и вдруг возишь навоз?

— Меня не смущает физическая работа, — отвечал им Ника. — Любой труд почетен. Пройдет немного времени, и я докажу, что могу не только навоз возить, но и делать что-либо посерьезнее.

В связи с постигшим его в эти дни несчастьем Ника написал на фотографии, которую подарил брату Виктору: «Как видишь, мое лицо невольно выражает не только горе, но и известную растерянность перед совершенной несправедливостью. Это настроение надо преодолеть».

Сам он не любил этот фотоснимок. Действительно, на фотографии Ника выглядел подавленным. Обычно аккуратный до педантичности, он не заметил, что воротник рубашки измят, а галстук съехал набок. Позднее брат уничтожил эти фотокарточки, и только одна из них случайно сохранилась в Талице у знакомых.

Вскоре Ника вновь сфотографировался, на этот раз в кожаной куртке (он подражал любимому герою Григорию Котовскому). Теперь по выражению его лица было видно, что ему удалось преодолеть временную растерянность.

Руководители коммуны и Талицкого лесного техникума были на стороне Кузнецова и советовали ему добиваться работы по специальности техника-лесоустроителя. При исключении из техникума Николаю была выдана справка о том, что он учился там с 1927 года по декабрь 1929 года. Но вскоре руководство техникума, огорченное исключением активного комсомольца и одного из лучших учащихся, не только выдало ему другую справку об окончании первого курса Тюменского сельскохозяйственного техникума и почти полного курса учебы в Талицком лесном техникуме, но и помогло получить направление на работу по специальности.

Позже Кузнецов продолжил образование и получил диплом.

В апреле 1930 года Николай Кузнецов выехал в город Кудымкар Коми-Пермяцкого округа, где начал работать в окружном земельном управлении помощником таксатора по устройству лесов.

«КОЧЕВСКОЙ ПАРЕНЬ...»

Тридцатый год принес в Зырянку большие изменения. Коммуна «Красный пахарь» была расформирована. На ее базе создаются два колхоза: имени Энгельса и «Большевик». Еще будучи в Свердловске, Ника написал брату: «Посоветуйся с мамой, не захочет ли она поехать с тобой на какую-нибудь большую стройку. На Урале вовсю гремит Магнитка. Рядом со Свердловском закладывается огромный завод тяжелого машиностроения. Я бы на твоём месте двинулся на стройку. Посмотришь мир, испробуешь свои силы...»

После расформирования коммуны Виктор некоторое время работал на лесопильном заводе станции Поклев-

ская. Но вскоре семья Кузнецовых переезжает в Свердловск. Виктор поступает на строительство Уралмашзавода трактористом, а Лидия работает в управлении Свердловского мебельного комбината. Николай по-прежнему был в Кудымкаре.

За четыре года работы в этом крае Кузнецова неоднократно перебрасывали туда, где обстановка требовала трудолюбивого, напористого работника. И Ника не отказывался. То он временно исполняет обязанности окружного лесоведа, то работает секретарем бюро Коми-Пермяцкого многопромышленного союза. На каком бы участке работы ни находился, он неизменно проявлял исключительное трудолюбие, честно относился к порученному делу. Кузнецов по-прежнему активно участвует в общественной жизни. В его трудовом списке можно прочесть: «С 25 марта 1932 года находился в командировке по общественной работе, 14 дней — в Деминском сельсовете Кудымкарского района»... «Находился в командировке по общественной работе в Юрлинском районе с 20 апреля 1932 года» и т. д.

В музее Кудымкара среди документов, рассказывающих о деятельности комсомольского активиста, экспонируется такое удостоверение: «Дано настоящее Коми-Пермяцким окрпрофсоветом т. Кузнецову Н. И. в том, что он командирован в Деминский сельсовет в помощь уполномоченным РИК для практической работы в проведении подготовки посевной кампании и коллективизации, что и удостоверяется. 10 марта 1931 года».

В. И. Сысолятин в своих воспоминаниях пишет:

«Мы с Николаем Ивановичем были близко знакомы, так как я был секретарем комсомольской организации, в которой он состоял на учете¹. Он быстро изучил разговорный язык коми-пермяков и свободно изъяснялся с нами. Высокий, сухощавый, одетый в неизменную комсомольскую форму (юнгштурмовку), Кузнецов выглядел всегда молодежато подтянутым, жизнерадостным. Зимой, когда лесостроители обрабатывали собранные за лето материалы, Николай Иванович часто и с большой охотой выполнял поручения. Он выезжал с бригадами активистов, помогавших крестьянам созда-

---

¹ Н. И. Кузнецов по приезде в Кудымкар после апелляции в ЦК ВЛКСМ был восстановлен в рядах комсомола.

вать колхозы, участвовал в раскулачивании деревенских мироедов. Наблюдательный, он по каким-то одному ему понятным приметам находил запрятанный кулаками хлеб».

Комсомольца Кузнецова можно было встретить в командировке по сбору денежных налогов, на субботниках по благоустройству города. Он был уполномоченным Кудымкарского райкома и окружкома ВЛКСМ по обмену комсомольских билетов, руководил кружком политграмоты. Старые комсомольцы помнят яркие выступления Николая Кузнецова на комсомольских судах чести в роли защитника или обвинителя.

Несмотря на большую производственную и общественную работу, Николай умело организует свой досуг, много читает, готовится к поступлению в институт иностранных языков. Настойчиво занимается немецким языком. Он знакомится с одним из преподавателей педучилища и, разговаривая с ним только на немецком, шлифует произношение.

В Кудымкаре Ника встретил красивую, черноглазую, веселую девушку (она работала в конторе многопромышленного союза) и подружился с ней. Это была Тася Мартина.

«Мы были молоды, жизнерадостны,— вспоминает Т. К. Мартина,— много работали. Свой досуг проводили весело, интересно. Бывало, приедет Николай Иванович из командировки и говорит: «Тася, я так соскучился по конькам и лыжам! Может, прогуляемся, свежим воздухом подышим? А то засиделись...»

С катка возвращались оживленные, разругавшиеся... «Вот,— говорил он,— и мышцы немного укрепили, и настроение поднялось!» Или поедем на лыжах кататься. Я только быстро уставала, он ходил размашисто, споро. «За тобой не угонишься,— кричу ему.— Ты такой скороход!» Коля улыбнется в ответ: «Не волнуйся, сильно устанешь — на руках унесу до дому».

Николай очень любил театр и по возможности не пропускал ни одной постановки. Находили мы время и в кино побывать, и на танцах.

Он часто ходил с книжками. Я спросила как-то его: — Когда только ты успеваешь так много читать?

— В Кудымкаре, как за Полярным кругом, такие длинные ночи,— смеясь, ответил он мне,— что многое можно перечитать!..»

В летнее время молодежь города собиралась под

Красной Горкой выше города. Среди играющих в волейбол на площадке педагогического техникума можно было видеть и Николая Кузнецова.

Любимым местом отдыха была и небольшая возвышенность, покрытая лесом, недалеко от города, по названию Сылпан. Этот живописный уголок всегда привлекал к себе молодежь. Здесь по воскресным дням отдыхающие играли, танцевали, пели песни, загорали и купались в светлой Иньве.

В один из таких дней Николай Иванович познакомился здесь с коми-пермяцким поэтом С. И. Караваевым и подружился с ним. Они часто потом бывали вместе. Кузнецов в шутку говорил Степану Ивановичу, что может написать художественное произведение на языке коми.

Впоследствии С. И. Караваев, в память об этой дружбе, написал стихотворение «Николаю Кузнецову», в котором нашел отражение и этот шуточный разговор:

...Ты спорил о поэзии со мной
На нашем языке, коми-пермячком.
Ты говорил:
— Послушай-ка, Степан,
Вот ты — поэт и добрый мой знакомый.
А хочешь, я поэму иль роман
Сам напишу — не как-нибудь, на коми!
Нет, зависть сердце мне тогда не жгла,
В широкой парме юности не тесно.
Но что со мной легенда рядом шла,
Мне в эту пору было неизвестно.
Мне было неизвестно, что войной
Ты, как волной прилива, будешь поднят
И очень скоро ждет тебя иной,
Совсем иной и замысел, и подвиг.
Что меж спаленных украинских сел
Вдруг засияет среди истин вечных
Та истина,
        которую нашел
Ты, кровью оплатив ее, разведчик!
И жизнь твоя не оборвется там,
Где смерть ее подстерегала немо,
А по людским отзывчивым сердцам
Ударит, как крылатая поэма.

О поразительной способности Николая быстро знакомиться с людьми тепло вспоминал А. С. Кылосов, известный в Свердловске скрипичный мастер.

«Городок наш был небольшой, — рассказывает

Андрей Семенович, — поэтому, когда Николай Кузнецов появился в Кудымкаре, его сразу заметили многие.

Встретившись с ним однажды на улице, я внимательно посмотрел на него. А Николай Иванович ко мне с шуткой:

— Папаху мою хотите купить? Понравилась?

— Папаха хорошая, — отвечаю, — единственная в городе, приметна белизной и курчавостью.

— Где работаете, — спрашивает Кузнецов, — встречаемся часто, а не знаем друг друга?

— Я из театра, скрипач Андрей Кылосов.

— О, Андрико¹! Будем друзьями. А я из Кочевского района, кочевской парень — коми-морт Микоу²...

Позже мы часто встречались с Кузнецовым в кино, в театре, летом в парке. Завидев меня, он обычно издали приветствовал: «О Андриас-Андрико!» И сразу же начинал разговор на коми-пермяцком языке — о молодой жизни, о знакомых парнях и девушках, о новых кинокартинах. Николай Иванович хорошо владел нашим языком. Бывало, он меня спросит: «Андрико, скажи, как правильно называется по-нашему (по-коми, значит!) черемуха?»

Пока я раздумываю, а он уже называет.

Наш язык довольно трудный, «ломаный», и некоторые слова часто произносятся неправильно даже самими пермяками. А Николай Иванович всегда старался меня поправить в этом. Я до встречи с ним в Свердловске был уверен, что Николай Иванович действительно «кочевской парень» и довольно грамотный по тому времени (хотя село Кочevo было самым глухим районом нашего национального округа).

Мы как-то незаметно близко подружились и часто встречались с «Микоу». Он даже говорил мне не то в шутку, не то всерьез, что пишет стихи на коми языке.

Николай Иванович был хороший рассказчик, шутник, умел посмешить собеседника. Не раз Кузнецов говорил мне: «Ничего, Андрико, не смотри, что мы в лаптях ходим, но мы не лыком шиты. О нас еще заговорят!» Тогда я принимал эти слова за шутку...

Много доброго о себе оставил он в моей памяти...»

---

¹ Андрико — Андрей на языке коми.

² Коми-морт Микоу — человек Николай.

Летом 1930 года Виктор приехал в гости к брату в Кудымкар, посмотреть, как он живет и работает. Не успели обменяться первыми впечатлениями, как Николай потащил брата на лесосеку. Виктор очень поразился, услышав, что Николай мимоходом бойко заговорил со встречным рабочим на коми-пермяцком языке.

По дороге, когда они уже шли в густом темно-зеленом бору, Николай остановился. Посмотрел на свинцово-дымчатые тучи, которыми был затянут небосвод, и начал декламировать торжественно, с большим душевным накалом:

— «Лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видно было неба и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву...»

Голос Николая то понижался (тогда было слышно, как неумолчно шумит бор), то звенел от волнения. Тронув брата за плечо, Николай пошел, на ходу рассказывая о гордом и смелом Данко. Братья обогнули небольшую болотину, пробирались сквозь чащобу...

Через некоторое время Николай остановился и, вскинув голову к небу, потрясая поднятыми вверх руками, горячо продолжал рассказ:

— «Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко...» — Голос Ники звонким эхом плеснулся по лесу...

Вечером братья побывали в кинотеатре.

— Ты послушай, — сказал дома Николай, — я буду читать стихи. Наша ячейка готовит концерт самодеятельности, и я хотел бы лишний раз прорепетировать.

Он вышел на середину комнаты и начал декламировать стихи Маяковского «О советском паспорте», которые тогда пользовались большой популярностью. Получалось это у него очень выразительно.

— Ты столько знаешь наизусть стихов, будто готовишься стать артистом, — недоуменно заметил Виктор.

Николай поправил на этажерке книги, подровнял корешки. Виктор бегло прочел их названия: Лермонтов и Пушкин, Горький, Некрасов и Маяковский...

— Надо понять простую истину, браток, — заметил Николай, — что хорошие стихи, хорошая проза так же воздействуют на человека, облагораживают его, как и добрая музыка. Я, например, сказал бы всем агитаторам: если не знаешь стихов, классической прозы, то не

ходи к людям. Теперь грамотных у нас много, газету прочитать и без тебя сумеют... Важно проникновенное слово. У него короткий путь к сердцу человека.

Николай в Кудымкаре увлекся охотой, стрелковым спортом. Его часто видят в местном тире, в компании друзей, состязающихся в стрельбе на меткость. И он так натренировался, что поражал без промаха неподвижные и движущиеся мишени.

Но иногда дело доходило до баловства, до безрассудного риска. Однажды во время тренировочной стрельбы из малокалиберной винтовки решили посостязаться — кто попадет с расстояния в пятьдесят шагов в эмблему «лесников» — скрещенные дубовые веточки. Фуражку со значком повесили на кол изгороди.

— Кто у нас кудымкарский Вильгельм Телль? — шутили болельщики.

Попытал свои силы один, другой, третий... Безрезультатно! Кузнецов с первого выстрела поразил цель. Ребята окружили его, поздравляя с удачной стрельбой.

Неумная похвала всегда щекочет нервы. Раз «Вильгельм Телль», значит, он должен выстрелом сбить яблоко с головы сына! Нашелся смельчак, решивший выступить в роли сына Телля. Вместо яблока он положил на голову брусочек дерева в форме кубика. И на эту подставку надел фуражку. Все теперь зависело от стрелка. Кузнецов стоя поднял винтовку, взял цель на мушку, и лицо его окаменело. «Сын» же (он сидел на изгороди) побелел как полотно... Раздался выстрел. «Сын Телля» камнем свалился на землю.

Как оказалось, пуля ударила в сучок кубика и рикошетом вскользь царапнула кожу на затылке «сына». Но ранка была пустяковой. Когда прошло оцепенение, добыли йода, ватку, выстригли волосы вокруг ранки, и профилактика была закончена. Потом Кузнецов долго не мог простить себе этой бесшабашной выходки. Шутка могла кончиться печально.

Но в жизни Николая был случай, который действительно едва не кончился трагически.

Активная деятельность комсомольца-агитатора во время коллективизации Коми-Пермяцкого округа вызвала глухую ярость со стороны врагов. Как-то в хорошо разыгранном «споре» один из парней начал утверждать:

— Все мы антирелигиозники, безбожники при свете дня. А как только стемнеет — выйти на улицу боимся.

Николай горячо возражал ему. Видя, что доводы не действуют, Кузнецов вспыхнул:

— Боятся одни трусы. А я ненавижу их.

— Если ты смелый — сходи глубокой ночью в старую баню, что на окраине города, недалеко от кладбища, — предложил ему спорщик.

Николай согласился. В час ночи он появился у бани. Заходя в предбанник, уловил подозрительный шорох.

«Кто-то на часах стоит?» — подумал Ника, быстро рванул на себя скобу двери и карманным фонариком осветил внутренность бани. В углу, жмурясь от яркого света, стояли трое незнакомых парней с дубинками. Кузнецов выхватил наган и скомандовал:

— Руки вверх! Выходить по одному.

Парни взмолились:

— Мы хотели пошутить...

Николай отпустил их. Вернувшись домой, подробно вспоминая детали происшествия, он понял, что «шутка» могла ему стоить жизни. Именно в это время страну облетела весть о трагической смерти Павлика Морозова, погибшего под ножами кулаков.

«Спорщик» больше не показывался на глаза Кузнецову. Те, кто хотел ночью посчитаться с комсомольским агитатором, были ошеломлены, увидев Николая вооруженным. А получилось так. Кузнецов должен был ехать с налоговым агентом в район по сбору налогов. В райисполком уполномоченные возвращались с большими денежными суммами, им выдавали оружие... Конечно, кулацкие сынки не ожидали встретить комсомольца с наганом.

В 1932 году, будучи в отпуске в Свердловске, Николай сдает экзамены за первый курс заочного отделения индустриального института. В стены института его привело горячее желание стать инженером-конструктором. Тогда же он познакомился с условиями учебы на курсах немецкого языка... В начале 1933 тяжело заболела наша мать. Но повидаться с нею в последние дни ее жизни и присутствовать на похоронах Николай не смог. Для поездки из Кудымкара в Свердловск тогда требовалось много времени. Ехать приходилось на лошадях, пароходом, поездом. А ранней весной пароходы еще не ходили.

Виктора в то время в Свердловске тоже не было. Он

работал трактористом на лесозаготовках и если бы случайно не приехал в Свердловск, то тоже не простился бы с матерью. Младший сын застал мать уже при смерти. В бреду до последней минуты разговаривала с Никой и Витей... Умерла Анна Петровна 55 лет, в марте 1933 года, и семья осиротела.

Николай очень любил и жалел труженицу мать. Он с горечью вспоминал о ее нелегкой доле, говорил сестре и брату, что сгорела на работе, в бесконечных заботах о детях.

Стремясь быть ближе к родным, Николай летом тридцать четвертого года переезжает в Свердловск и поступает работать в трест Свердлес статистиком.

Прощай, Кудымкар!.. Здесь комсомолец Кузнецов начал свой трудовой путь по земле, здесь он познал лишения походной жизни, научился беречь огонь коллективного костра, тепло человеческой дружбы.

«ГОВОРИТЕ ЛИ ВЫ ПО-НЕМЕЦКИ?»

В декабре тридцать третьего года Николай в Свердловске встретился с Виктором. Как только выкроилось свободное время, братья пошли в кино. Неожиданно для себя они стали очевидцами потрясающего по своей силе пожара. Горел кузнечно-прессовый цех Уралмашзавода. Как потом выяснилось, это было делом рук вредителей. Страшный огонь за короткое время превратил в груды пепла и железа гордость завода, его «сердце» — КПЦ... Лишь благодаря мужеству и самоотверженности двух бойцов военизированной пожарной охраны, перекрывших в пламени пожара трубы газопровода, завод был спасен от взрыва. Бойцы погибли. Николай близко к сердцу принял это событие. Завод понес огромный урон. То, что многие тысячи людей героическим трудом возводили в суровые морозы, летнюю жару и осеннюю слякоть, вредители уничтожили в одно мгновение. И Кузнецов с ненавистью говорил о подлой вылазке классового врага.

Благодаря умелым действиям чекистов Свердловска, при активной помощи коммунистов и беспартийных

тружеников, вредители были пойманы и предстали перед судом. Николаю хотелось присутствовать на процессе суда над шайкой предателей, наймитов иностранного капитала. Но попасть не удалось. Братья вместе с сотнями людей находились около здания кинотеатра, где намечалось проводить процесс. Но тут произошла другая диверсия.

Когда вредителей привезли на суд, неожиданно загорелось здание кинотеатра. Поднялась паника. Ее усиленно старались подогреть несколько типов, шнырявших в толпе. Сообщники диверсантов задумали спасти от возмездия подлых наймитов. Но поджигателям не удалось уйти от расплаты. Более того, вместе с ними на скамью подсудимых сел кое-кто из вдохновителей диверсии. Николай заметил тогда у кинотеатра двух особо активных «сеятелей паники», пускавших провокационные слухи, и сообщил о них начальнику военной охраны, оцепившей место происшествия. Вредители были схвачены. Через несколько дней начальник милиции заводского района пригласил к себе Николая Кузнецова и выразил ему благодарность за активное содействие в поимке преступников.

С тех пор прошло много лет. Но когда мы идем мимо кинотеатра «Темп», то вспоминаем о брате, о далеких тревожных днях... Кстати, после пожара рабочие и служащие Уралмаша в короткий срок на субботниках возвели новое здание кинотеатра. В память о скоростной стройке и как девиз времени они назвали театр емким, призывным словом «Темп».

...Вспоминая о своих встречах с Николаем Кузнецовым в Свердловске, мастер Уралмашзавода Алексей Викторович Конев рассказывает:

— Николай часто говорил мне: «Скоро я буду работать на знаменитом УЗТМ. Еще до защиты диплома в индустриальном институте я должен пройти на заводе хорошую практику».

Кузнецов с увлечением мечтал о том, как станет квалифицированным инженером, как будет участвовать в создании новых, совершенных отечественных машин и механизмов.

Кузнецов не раз заходил в гости к Коневу. Он умел интересно рассказывать, всегда у него в запасе были смешные и остроумные истории, забавные случаи и примеры. И не удивительно. Сам он умел слушать собесед-

ника, пополняя запас своих знаний, по-прежнему оставался ненасытно любознательным.

«С Кузнецовым я познакомился у одного из своих земляков, — рассказывает старый рабочий Уралмаша Я. Д. Носов. — Как-то Николай Иванович вызвался проводить меня. Вышли на площадь имени Пятилетки, остановились. Сидели около часа. Николай Иванович спрашивал меня, откуда я родом, где работаю. Узнав, что во время гражданской войны мне довелось быть на Дальнем Востоке и видеть войска интервентов, он сказал: «Я очень люблю беседовать с бывальыми людьми. Не удивляйтесь. Мне лишь двадцать три года, я еще почти ничего не видел и с удовольствием послушал бы рассказы о действиях дальневосточных партизан, о ваших путешествиях. Приходите ко мне в гости...»

Переезд в Свердловск дал Николаю возможность перейти с заочного отделения Уральского индустриального института на вечернее и одновременно поступить на курсы немецкого языка.

Огромное промышленное строительство (в Свердловске в те годы воздвигался не один гигант индустрии) захватило и увлекло Николая. Чтобы сочетать учебу в институте с практической работой, он оставляет прежнюю специальность лесоустроителя и поступает чертежником на Верх-Исетский металлургический завод, а весной 1935 года переходит на Уралмашзавод расцеховщиком конструкторского отдела. Николай Иванович следил за прохождением чертежей по цехам завода. Это давало ему возможность хорошо познакомиться с производственной работой гиганта советской индустрии.

Работая в конструкторском отделе, он с увлечением следил за новинками современного машиностроения, читал журналы, знакомился не только с советской технической литературой, но и с зарубежной, особенно немецкой.

В отделе кадров Уралмашзавода в личном деле Н. И. Кузнецова с пометкой «Хранить вечно» лежит производственная характеристика: «Принятый на должность расцеховщика в БТК¹ конструкторского отдела тов. Кузнецов Н. И., будучи на испытании с 5 мая по 5 июня 1935 года, проявил себя как хороший работник

---

¹ БТК — бюро технического контроля.

с первых дней. Усвоил за испытательный срок возложенные на него обязанности прекрасно. Работой интересуется, стремится к усовершенствованию. В целях создания бесперебойного снабжения цехов чертежами тов. Кузнецов работает не покладая рук и готов выйти на службу при первом его вызове. В общественной работе участвует».

На Уралмаше в те годы работали иностранные специалисты, приглашенные для установки и наладки оборудования, закупленного у германских фирм. Общаясь с ними, особенно с немецким инженером коммунистом Затлером, Николай Иванович имел возможность совершенствовать знания немецкого языка.

Родных и многих сослуживцев Кузнецова удивляло то упорство, с которым он изучал иностранную речь, стараясь всюду, где только представлялась возможность, говорить по-немецки.

У старшего инженера-конструктора Уралмашзавода Н. И. Баранова хранится экземпляр книги «Говорите ли вы по-немецки?», которой повседневно пользовался Н. И. Кузнецов.

«Летом 1935 года, — вспоминает Н. И. Баранов, — Николай Иванович некоторое время жил у меня на квартире по улице Стахановцев, 10. Я удивлялся той настойчивости, с которой он отрабатывал разговорную речь на немецком языке. Встану утром рано, часов в пять, а его уже нет. Значит, сидит у дома в скверике и штудировать словарь.

Раз из города мы возвращались в трамвае в заводской поселок. Кузнецов заметил на передней площадке немецких инженеров. Николай Иванович чуть ли не с ходу умело, дипломатично включился в их разговор. Но, вероятно, из-за неправильного построения фразы у него получилась двусмысленной. Вижу: немцы от души смеются, а Кузнецов, нисколько не смущаясь, опять к ним: «А как правильно?» И снова повторяет.

Когда я в другой раз задал вопрос, зачем он столь глубоко изучает иностранный язык, для чего это ему нужно, он ответил: «Для современного культурного человека недостаточно знать только свою родную речь, только нравы и обычаи своего народа. Знать два мировых языка — прожить две жизни...»

Инженер А. А. Яровой в своих воспоминаниях пишет:

«Здоровый и жизнерадостный, начитанный молодой человек, Николай был интересным и приятным в общении, хорошим собеседником. Он умел находить общие темы, интересно вел беседу. Кузнецов был всегда желанным в дамском обществе и пользовался успехом. Он быстро ориентировался в обстановке, был находчив в ответах, как говорится, в карман за словом не лез.

Изучению немецкого языка Николай Иванович уделял много внимания. Он доставал у немцев книги и основательно штудировал. От него я узнал о существовании нескольких наречий немецкого языка».

Летом, в хорошую погоду, сотрудники конструкторского отдела в воскресные дни выезжали на экскурсии в лес, на рудники.

«Постоянным участником и энтузиастом этих мероприятий был Николай Иванович, — пишет инженер Людмила Сергеевна Сатовская. — Он поражал всех своей образованностью и неутомимой энергией. Уже тогда Кузнецов хорошо владел немецким языком. Иногда, отличаясь эксцентричностью, он в разговоре неожиданно переходил на немецкую речь. Он был для нас милым товарищем, интересным человеком и загадкой...»

Об этом же говорит и инженер-конструктор Л. Б. Грабовский:

«Николай Иванович имел жизнерадостный, веселый характер, был хорошим собеседником, можно сказать, он обладал искусством вести беседу. Эта черта, мне кажется, очень помогла ему в работе разведчика».

А вот что пишет в своих воспоминаниях экономист отдела главного конструктора Уралмашзавода Вера Всеволодовна Ларионова:

«В 1935 году к нам в отдел пришел молодой человек, это был Кузнецов. Мне запомнилась его внешность: широкоплечий, высокого роста, блондин со светло-серыми глазами... Поражала его аккуратность. Кузнецов всегда приходил на работу в белоснежной накрахмаленной сорочке, тщательно выбрит.

В конструкторском отделе наши столы стояли рядом. Однажды вечером (это было поздней осенью) начальник бюро послал меня с Николаем Ивановичем в цеха исправлять техническую документацию. На заводской площадке нам пришлось переходить канаву, покрытую льдом. Не желая терять времени, мы решили идти напрямик. Лед не выдержал. И тут Николай Иванович под-

хватил меня на руки и, проваливаясь по колено в студеную воду, вынес меня на сушу. Его элегантный костюм вымок, но он не обратил на это внимания.

Любимым писателем Николая Ивановича был Горький. Кузнецов часто говорил нам: «Девушки, любите Горького!» Наши модницы в ответ нет-нет и сострят: «А тебя?..» Он смеется: «Можно!»

По условиям работы нам часто приходилось задерживаться вечерами. Сидим, бывало, иногда за полночь, уставшие, и вдруг встанет Николай Иванович и начнет декламировать «Песню о Соколе». Усталость сразу пропадала.

Образ Николая Кузнецова ярко запечатлелся в памяти старшего техника-конструктора С. В. Инфантьевой. Она видела Николая Ивановича на работе, встречалась в театре, на концертах...

Однажды весенним вечером С. В. Инфантьева со своими знакомыми ехала в филармонию. На дворе стояла распутица. Весна на Урале нередко бывает с капризами. Растает снег, зазеленеет трава, распустиятся деревья. Весна! И вдруг... выпадет снег.

Так было и в тот далекий холодный вечер. С грохотом подошел трамвай к остановке «Площадь Пятилетки», и пассажиры, вытаскивая увязающие в глине и снегу ноги, со смехом и шумом поспешили к вагонам.

— Вон ваш немец сидит, — шепнула Инфантьевой приятельница.

У Николая была излюбленная манера одеваться под иностранца. На нем было серое полупальто с широким поясом, желтые краги, американские полуботинки. Шляпа слегка сдвинута на затылок. Из-под серого кашне в крупную зеленую клетку виднелись накрахмаленный, необыкновенной белизны воротничок, красивый галстук, яркий свитер. Слегка улыбаясь, Николай глянул в сторону знакомых, блеснув очками в роговой оправе. В одном из боковых карманов его пальто виднелся немецкий журнал, в руках — газета.

Инфантьева хотелось пройти по трамваю незамеченной. Но как только она поравнялась с ним, Николай вскочил с места и предложил:

— Садитесь, пожалуйста, — и повторил приглашение по-немецки.

— Помню, — рассказывает С. В. Инфантьева, — той же весной мы спешили на вечерний концерт в филармо-

нию. При входе в вестибюль нас заметил Николай. Он вежливо уступил дорогу и предупредительно распахнул дверь. Этим он привлек к себе внимание. В нем было много необычного, что отличало его от знакомых молодых людей.

Николай Иванович был человеком большой души и мягкого сердца, веселым, находчивым. Кто думал тогда, что Николаю Ивановичу суждено будет стать героем, гордостью нашей Родины!..

Летом тридцать четвертого года Кузнецов, прогуливаясь в Свердловске по Набережной Труда, встретил своего приятеля по Кудымкару А. С. Кылосова.

— О Андриас-Андрико! — воскликнул он. — Гора с горой не сходится, а друзья летят навстречу друг другу! Привет горячий покорителю муз! Читал, читал заметку в газете о твоих успехах. Отличный скрипичный мастер! А что я говорил в Кудымкаре: «О нас еще услышат!»

В тот день они долго прогуливались по набережной, делясь своими мыслями и планами.

«Когда я часто стал видеть Николая Ивановича с немцами, — рассказывает А. С. Кылосов, — я говорил ему с упреком: «Зачем ты связываешься с иностранцами? Ты видишь: время беспокойное, нередко берут на «заметку» сомнительных людей. Надо тебе порвать эту дружбу». А он смеется в ответ и напоминает старое: «О нас еще заговорят и напишут! О тебе вот уже написали, может, и я заслужу такую честь». Потом серьезно: «Не волнуйся, Андрико! Я патриот, а к патриотам грязь не пристанет».

Мне особенно запечатлелась еще одна встреча. Я покупал в комиссионном костюме. Вдруг слышу рядом: «О Андриас!..» Это был Николай Иванович. Узнав, что костюму требуются «поправки» с учетом моего роста, он предложил: «Бери, если по вкусу приглянется вещь. Моя соседка Майорова, швея первого класса, мигом прострочит где нужно».

Пока хозяйка переделывала пиджак, Николай Иванович показал мне иллюстрированные технические журналы на немецком языке, зачитывал подписи и тут же переводил их. Пояснял, какую роль играет эта техника в хозяйстве.

В одном из журналов Николай Иванович показал мне строй военных и среди них Гитлера:

— Вот человек, который метит в диктаторы всего мира. Это наиболее оголтелый цепной пес империализма. И видно, что Англия, Франция и США хотят натравить этого пса на нашу страну. Разве не о том говорят их сговор в Мюнхене?.. Я думаю, что Гитлер, если не укротить его аппетит, может натворить много бед. Надо быть готовым ко всему».

Не все понимали стремление Николая Ивановича к совершенству овладеть немецким языком. Брат Виктор спрашивал:

— Ну зачем тебе этот немецкий? Ты и меня уже начинаешь обучать, но я со своим образованием лучше русский буду глубже осваивать.

На это старший брат отвечал:

— Ты видишь, мы приглашаем иностранных специалистов. Мало у нас еще своих инженеров. Но придет время — и не мы будем учиться у немцев, американцев, а они у нас! А пока... немцы — высокотехническая нация. Мы учимся у них. Инженер должен знать, как разрабатывают ту или иную проблему за рубежом. Иначе будешь изобретать самовар! Как лучше черпать знания, с помощью переводчиков или самому?

Многие знакомые порой сурово осуждали Николая за дружбу и встречи с иностранными специалистами.

Начальник конструкторского отдела Г. Н. Голосной, обеспокоенный тем, что Кузнецов проводит с «иноспециалистами» вечера, выходные дни, спрашивал его:

— Почему вы так часто встречаетесь со спецами? Они на удочку вас не зацепили? Смотрите, как бы плохо не кончилось!

— Не волнуйтесь, Георгий Никифорович, — отвечал Кузнецов. — Я ж не зря ношу голову на плечах. Я лишь практикуюсь. Отношения с Германией у нас не весьма приятные. Может, придется воевать с фашистами. Знание немецкого языка пригодится. Я не стар, и воевать мне придется.

— Ну зачем тебе эти немцы?! — волновались и недоумевали родные и близкие, а Николай со свойственным ему спокойствием отвечал:

— Придет время, и все это пригодится, когда нас позовет Родина.

А сестре Лидии и брату Виктору он не раз говорил:

— Вам за меня краснеть перед Родиной не придется!..

И в манере одеваться, вспоминают многие сослуживцы, Николай Иванович был большим оригиналом. Он мог одеться «под немца»: серый плащ с большим количеством деталей отделки из черной лакированной кожи, серая шляпа, брюки-бриджи или короткие брюки «на планку», ботинки и гетры.

Предыстория этой «моды» такова. О ней Николай Иванович рассказывал позже Виктору:

— Когда я впервые в обществе немцев и американцев попробовал заговорить на отвлеченные темы, они холодно приняли меня в своей компании. Как потом объяснил мне знакомый инженер Затлер, высокомерных иностранных спецов шокировал в первую очередь мой «славянский костюм», слишком провинциальный для изощренных в модах европейцев. И я решил доказать всем этим чванливым Мунгам, Миттам, Йостам, Бухерам, что могу выучить и в совершенстве овладеть не только их родным языком, но и показать, что я лучше их знаю историю и культуру немецкого народа, знаю творения Шиллера и Гете, Лессинга и Гейне, а они — лишь ходячие сухие формулы инженерного дела.

Так началось это состязание патриота с буржуазными предрассудками специалистов цивилизованного Запада. Не обращая внимания на критику «за дружбу» с иностранными специалистами, Кузнецов продолжал встречаться с ними. В это время он почти в совершенстве изучил манеру немецких инженеров одеваться, их психологию, привычки, вкусы, нравы. И те из иностранцев, кто не был знаком с Кузнецовым, узнав его, не хотели верить, что перед ними не немец, а обыкновенный русский парень.

Весной 1936 года перед отъездом в родную страну немецкие инженеры пожелали на прощание еще раз взглянуть на достопримечательности края и попросили Николая Ивановича сопровождать их в качестве гида.

Отправились к знаменитому столбу на границе Европы и Азии. Осмотрев окрестности, специалисты устроили привал, который превратился в пикник. Засели прочно и надолго — с пивом, шнапсом и другими горячительными напитками. Когда все захмелели, один из инженеров (человек желчный и неприятный) подсел к Николаю Ивановичу и на ломаном русском языке заговорил:

— И все же, герр Кузнецов, вернувшись на родину,

я должен буду еще раз скажите дома общеизвестный истина: русские большевики есть большие мечтатели! Они думают сделают за один-другой десяток лет то, на что у цивилизованных наций ушло не одно столетие!.. Это есть фикция. Пуф-пуф... Это есть очень плохо: есть земные богатства — нет печей, чтобы варить сталь, есть машины — нет дорог. — И, показывая на столб границы частей света, ехидно заметил: — Там Азия, здесь Азия!.. Вы, лично, не думаете, к какой берег лучше прибывает? Вы умный человек. Мы могли бы с большой обоюдной пользой сотрудничать...

Когда Кузнецов услышал сравнение своей родины с отсталой Азией, он едва сдержал готовый прорваться гнев. Но приглашение к «чужому берегу» вывело его из равновесия. «Ага, думаешь, клюнет? А мы на гниющую приманку не идем!» Поблудневший, голосом, прерывающимся от волнения, Николай Иванович сказал желчно типу:

— Вы, герр Мунг, забыли то, о чем немцам наказывал помнить железный канцлер Бисмарк: «Русские медленно запрягают, зато быстро ездят!» А Советский Союз научился и быстро запрягать и быстро ездить! Так что держись теперь ваша хваленая Европа!.. А насчет «берега» запомните: советские патриоты не продаются! Говорю я по-немецки, а мыслю чисто по-русски!..

...Благодаря настойчивости Николай Иванович так хорошо овладел немецким языком, что в 1936 году сумел защитить на нем диплом инженера. Экзаменационная комиссия индустриального института была поражена не столько обширными и прочными знаниями Кузнецова, сколько тем, что защита диплома проходила на безукоризненном немецком языке.

Николай вернулся с защиты домой в прекрасном настроении, и восторгам его не было конца.

Однако тут же сказал брату:

— Вот я уже инженер, но учиться все равно нужно еще очень много.

«Летом 1936 года, — вспоминает мастер Уралмашзавода А. В. Конев, — мы встретились с Николаем Ивановичем в сквере, напротив заводоуправления. Он протянул мне газету «За тяжелое машиностроение». Я быстро пробежал глазами отчеркнутую заметку. В ней говорилось о том, что Кузнецов защитил диплом инженера на немецком языке. Помнится, я спросил его: «Что, тебе

не хватило своего, русского языка для объяснения?» Николай ответил: «Знание иностранного языка делает любого специалиста неизмеримо сильнее. Как говорят: ум хорошо, а два лучше...»

Уходят в дымку времени многие события, имена людей, их образы... Но память благодарного сердца хранит все светлое, чистое, что связано с именем дорогого, любимого человека. Мы думали об этом, когда ждали весточки от одного из друзей комсомольской юности нашего Коли.

И вот к нам пришло, наконец, долгожданное письмо от Анны Ивановны Усовой-Ивановой.

«С тех пор, как мы познакомились с Николаем Ивановичем, — писала она, — прошло более 30 лет. Но я многое помню отчетливо до сих пор. Мы встретились с ним в самый расцвет нашей юности, когда жизнь была в полном цвету. Мне кажется, что годы нашей дружбы были самым счастливым периодом в нашей жизни. И сегодня, по прошествии многих лет, я с горячей признательностью вспоминаю имя Николая Ивановича. Дружба наша была хорошей, товарищеской. В моей памяти Николай Иванович остался необыкновенным человеком, обаятельным собеседником, отзывчивым товарищем, коллективистом.

Некоторые могут сказать: не много ли замечательного приписывается характеру и поведению, делам и устремлениям героя в предгрозовые годы? Но так могут думать люди, близко не знавшие Николая Ивановича Кузнецова. Он действительно был незаурядным человеком, имел большой кругозор, был очень начитан, знал несколько языков. Многого он достиг благодаря своей пунктуальности. Он, например, никогда не опаздывал и не любил, когда опаздывали другие. Но это не означает, что он жил по схеме...

Мне не раз приходилось видеть, как упорно, целеустремленно работает над собой Николай Иванович. Я в то время заканчивала финансово-экономический техникум, а Коля готовился к государственным экзаменам в Уральский индустриальный институт. Несмотря на занятость, он все же находил время и помогал мне в учебе. Осенью 1935 года я с помощью Николая Ивановича сдала зачеты в финансовый институт на заочное отделение.

Николай много времени отводил изучению немецко-

го языка. Он ставил себе целью заучивать в день по двести-триста слов и усидчиво сидел над словарем. Читал иностранные журналы, делал переводы. Бывало, что перевод не получался, он сердился, потом бросал все: «Надо проветриться!» Помню, зимой он выбегал в одной рубашке на улицу и «принимал холодную ванну» — натирал снегом виски, шею и голову и, покрасневший, снова бодрый, садился за работу. Я и сегодня не перестаю поражаться, как много он хотел познать! Учился он успешно. Я не помню, чтобы в его зачетной книжке можно было увидеть другие оценки, кроме «хорошо» и «отлично».

У Николая Ивановича было много друзей, у меня тоже были школьные товарищи — земляки. Часто приходя ко мне на квартиру, Николай Иванович встречал знакомых: Мишу Наумова, который в то время учился в театральном училище, Ваню Чуркина, студента Свердловской консерватории. Энергии и веселья нам было не занимать. Мы пели, спорили о жизни, шутили, смеялись. Николай Иванович любил беседовать с Мишей об искусстве, театральной жизни, о новинках кино. Вместе мечтали о большом будущем. Николай Иванович и Миша декламировали. Я часто вспоминаю, с каким воодушевлением читал тогда Ника отрывки из Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!
...Тогда сказал бы я: мгновенье!
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело б веков теченье
Следа, оставленного мной!

Николай Иванович особенно любил читать стихи героического плана, проникнутые призывом к борьбе, к борьбе за счастье всего человечества. Зная на память много поэтических произведений, он, бывало, высказывал свой душевный непокой и переживания через стихи.

Он действительно любил жизнь. И общение в то время с Николаем Ивановичем давало мне много душевной радости. Он научил меня любить жизнь! Он помог мне выработать в себе силу воли. Стремилась жить! И это стремление помогло мне встать на ноги...»

Свидетельства, воспоминания, рассказы... Они дороги людям, потому что связаны с именем человека, который жил рядом с ними, трудился, а в лихую годину стал

бессмертным героем. И как же дороги нам воспоминания!.. За каждой черточкой, эпизодом из биографии Николая Ивановича мы видим родного человека, брата, его характер, его мечты и надежды.

Вот одно из таких воспоминаний. В нем дополняет рассказ Анны Ивановны отдельными штрихами Надежда Алексеевна Майорова, соседка по квартире (улица Уральских рабочих, 26), где Кузнецов прожил более года.

«Николай Иванович был человеком всесторонне развитым, веселым и привлекательным, — рассказывает она. — Было у него много друзей — юношей и девушек. Они часто навещали Николая Ивановича. Как сойдутся, так разгорается спор. А потом заведут патефон и слушают музыку. Было у Николая Ивановича много пластинок, среди них и немецкие. Вскоре и сам он выучился петь немецкие песни.

Иногда Кузнецов заходил к нам в комнату. Рассказывал о прочитанных книгах, читал особо полюбившиеся ему места о силе материнской любви из «Сказок об Италии» Горького и «Анны Карениной» Толстого.

Обстановка в его комнате была очень простая: железная кровать, письменный стол, два стула, книжная полка, патефон, зеркало. На стене висела большая политическая карта Советского Союза. Жил Николай Иванович скромно, не пил, не курил».

По рассказам соседей и сослуживцев Николай Иванович очень любил детей. Нередко угощал их конфетами и пряниками. Иногда по приглашению своих маленьких друзей «дядя Коля» вместе с ребятами шел на ледяную горку покататься на санках. Ребятишки рады, хохочут. А он, высокий, элегантно одетый, увлекая детвору за собой, катится на санках и заразительно смеется.

Николай Иванович во время работы на Уралмаше жил очень скромно, много читал, постоянно работал над собой. Об этом вспоминают и его сослуживцы.

Инженер Г. Н. Голосной, проживающий ныне в Николаеве, пишет:

«Нам с женой часто приходилось бывать на квартире у Николая Ивановича. Условия его жизни, прямо можно сказать, были в то время спартанские. Комната содержалась в образцовом порядке, что могло служить примером не только для молодежи, но и для некото-

рых домохозяек. К своей работе в конструкторском отделе Кузнецов относился очень серьезно. Хотя, может, поначалу у него бывали некоторые «огрехи», но это объяснялось неопытностью молодого специалиста. Будучи дисциплинированным, он внимательно выслушивал замечания и советы, быстро устраняя недостатки».

Напряженная работа на заводе не мешала Николаю Ивановичу по-прежнему увлекаться спортом, в том числе и самым волнующим, — парашютным.

Не обходилось и без комичных случаев. Как-то ранним летним утром 1936 года Николай вбежал в квартиру брата с возгласом:

— Японский бог и подопечный сын микадо! (Таким было его излюбленное присловие.) Неудачно прыгнул, браток! Во время приземления ветром протащило меня, тылом по земле проехался, за что-то зацепился и порвал брюки. Помоги, Витюша, зашить!..

В ВОЗДУХЕ ПАХНЕТ ГРОЗОЙ...

В 1937—1938 годах Николай жил в Свердловске на улице Ленина. В его холостяцкой квартире было очень много книг. Они стояли в шкафу, на полках и на письменном столе. Это были учебники, словари, пособия по технике, политическая и художественная литература на русском и немецком языках. Художественную литературу он читал запоем.

Товарищ Николая Кузнецова по учебе в Талице, Н. К. Прохоров как-то встретил его у Свердловского оперного театра. Поздоровались. После нескольких общих вопросов он спросил Николая Ивановича:

— Где работаешь?

— Корреспондентом Кудымкарской окружной газеты, — отвечает он смеясь.

— Не разыгрывай, — настаивал Прохоров.

— Теперь я инженер-металлург, — серьезно сказал тогда Кузнецов и тут же предложил пойти на спектакль — москвичи показывали «Ивана Сусанина».

Потом он зашел в будку телефона-автомата и начал

звонить. Заговорил с кем-то по-немецки. Увидев в глазах товарища любопытство, он поднес к его уху телефонную трубку.

— Постой, постой!.. Она полька? Но как вы понимаете друг друга?! — удивился Прохоров.

— Моя знакомая — артистка, — пояснил Николай Иванович. — Она готовится сейчас к спектаклю. А поскольку на проводе телефона ее уборной стоит не один аппарат, мы говорим... на разных языках, — рассмеялся Кузнецов. — Она на польском, я на немецком. Мы-то понимаем друг друга, но не всякий посторонний поймет нас... Практика, языковая практика, дорогой!..

Николай Иванович всегда поражал своих друзей тем, что очень быстро осваивал иностранную речь.

Незадолго до отъезда в столицу Коля поделился своими планами с родными: «Буду учиться дальше. Хочу попробовать свои силы в лингвистике...»

Весной тридцать восьмого года Николай Кузнецов переехал в Москву. Он писал родным, что работает военным инженером в авиационной промышленности, с восторгом описывал столицу, памятники русской старины и воинской славы. К сожалению, писем за этот период сохранилось мало. Чтобы скрасить разлуку с родными, он почти в каждом письме присылал фотокарточки.

Приходили лаконичные, скупые весточки. По их содержанию чувствовалось, как напряженно и много работал в то время Николай. Не забывал он и своих сослуживцев по Уралмашзаводу, находил время поблагодарить за «науку» и за внимание. В одном из своих писем к инженеру Георгию Никифоровичу Голосному он писал, что работает в проектно бюро.

«Это письмо, — рассказывает Г. Н. Голосной, — было проникнуто воспоминаниями о нашей совместной работе и теплой благодарностью ко мне и моей жене за то внимание, которое мы оказывали ему — я по службе, а жена — в несложных домашних хлопотах».

Федор Александрович Белоусов, работающий ныне в Москве, в своих воспоминаниях пишет:

«Ника, сколько я знал его, был и оставался милым товарищем. Привязанность друг к другу мы пронесли через долгие годы и огромные расстояния... Случайная встреча в Москве — редкость, о которой обычно говорят как о чем-то необыкновенном. Но мы все же встрети-

лись. Было это в 1939 году. Я шел возле гостиницы «Москва» и вдруг слышу за спиной знакомый голос. А речь не русская. Оглядываюсь. Ника! Идет с двумя дамами и разговаривает по-немецки. Условились встретиться во второй половине дня. Тогда мы и увидели фон Риббентропа, министра иностранных дел фашистской Германии, приехавшего в Москву для заключения пакта о ненападении.

Даже мы, простые советские люди, понимали, а подчас интуитивно чувствовали тогда, с какими коварными врагами вынуждено было наше правительство вести переговоры. Необходимо было выиграть время для укрепления обороноспособности Советского государства. Москвичи, видевшие министра-фашиста, настороженно-холодно встретили его. Николай Иванович дал мне краткую характеристику фашистского дипломата. Я помню, Кузнецов начал со слов: «Вот он, один из двуногих зверей, представитель нового порядка в Европе, ярый поборник фашистской цивилизации фон Риббентроп...»

Летом сорокового года, идя по Арбату, Маргарита Степановна Лукоянова — жена товарища Николая по учебе в Талице — случайно встретила Кузнецова. Она тоже училась в Талицком лесотехникуме, но курсом позже. Эта неожиданная встреча была очень радостной, так как в техникуме они все были дружны. С тех пор прошло много лет, и встретить товарища по учебе в многолюдной Москве было очень приятно. Но долго поговорить им не пришлось, так как оба спешили по делам.

Спустя год, накануне Великой Отечественной войны, Николай Кузнецов зашел к Лукояновым, Леонид Дмитриевич был на работе. Дома находилась лишь Маргарита Степановна. Николай выглядел отлично. Он с интересом расспрашивал хозяйку о ее делах, вспоминал об учебе в техникуме, о старых товарищах. Николай Иванович рассказывал, что живет полнокровной жизнью: посещает музеи, театры. Если к этому прибавить любимую работу, то скучать не приходится.

...В 1939—1940 годах Николаю приходилось часто бывать в командировках; из разных городов страны шли его письма родным.

Очередная командировка совпала с финскими событиями. Вместе со всем советским народом Николай с тревогой следил за военными действиями, радовался